

Теоретико-эмпирическое исследование становления психологии Интернета в Китае на материале проблемы зависимости от Интернета

Ван Ши Лу

соискатель

соискатель, нет

Москва 125009 Моховая ул. 11/5

✉ vae-msu@inbox.ru

Войекунский Александр Евгеньевич

кандидат психологических наук

ст. науч. сотр., МГУ, факультет психологии

Москва 125009 Моховая ул. 11/5

✉ vaemsu@gmail.com

Статья из рубрики "Психологическая культура Востока"

Аннотация: В статье анализируются на аналитическом и эмпирическом уровнях характерные для Китая моменты, связанные с проблематикой зависимости от Интернета. Принятая в Китае официальная позиция по этому вопросу соотносится с ориентировочными данными о распространенности данного феномена и его связях с современной системой образования. Выявлена связь Интернет-зависимости с доминирующей в стране тенденцией к коллективизму и характерными для Китая семейными отношениями. На международном и на собственно китайском опыте описываются методики и критерии диагностики, способы терапии зависимости от Интернета. Отмечается, что в основе зависимости от Интернета во многом лежит конфликт между китайской традицией коллективизма и западным индивидуализмом, одним из проводников которого считается Интернет. Конфликт рассматривается в контексте процессов технологической модернизации, которые сопровождаются быстрыми изменениями в поведении жителей Китая. В определенной степени близкие социокультурные факторы воздействуют на становление Интернет-зависимости в Южной Корее и Тайване; тем самым возникающие с развитием Интернета проблемы представляются во многом общими для нескольких восточноазиатских стран. Описывается эмпирическое исследование зависимости от Интернета среди играющих в компьютерные и онлайн-игры подростков в Китае: методический аппарат исследования, его результаты и выводы, которые касаются распространенности Интернет-зависимости в зависимости от возраста, пола, опыта применения Интернета и других социокультурных и психологических параметров.

Ключевые слова: психология Интернета, киберпсихология, психологическая зависимость, Китай, компьютерная игра, поведение, социокультурные особенности, шкала CIAS, модернизация, Интернет-зависимость

DOI: 10.7256/2306-0425.2013.4.738

Введение

В Китае – самой многонаселенной стране мира – доступ поистине широких масс населения к Интернету имел место в середине 2000-х годов: сотни миллионов пользователей получили доступ сразу к широкополосному мультимедийному насыщенному информацией и рекламой Интернету – высокотехнологичному средству общения, познания, развлечения, совершения покупок и т.д. ^[4,5,6]. Тем самым в Китае почти не было постепенного процесса совершенствования новой технологии и развивающихся на ее базе сервисов. Представители психологической науки также не имели серьезных оснований для исследований в области психологии Интернета, или киберпсихологии ^[11]. Тем самым практически первая связанная с применением Интернета проблема, с которой столкнулись специалисты, – это зависимость от Интернета. Поэтому становление и развитие киберпсихологии, или психологии Интернета в Китае мы связываем именно с необходимостью для психологов и медиков реагировать на развивающуюся Интернет-зависимость ^[2,6].

Феномен Интернет-зависимости за последние полтора десятилетия превратился в одну из наиболее обсуждаемых психолого-медицинских проблем, затрагивающих едва ли не каждую семью. Географическая динамика развития данного феномена может быть прослежена, если сравнить, например, сочинения родоначальника данного направления исследований и психопрактики американки К. Янг – первую книгу пятнадцатилетней давности ^[117] и последнюю на сегодня книгу (с определенным акцентом на страны Азии и Латинской Америки), в которой К.Янг является соредактором и одним из авторов ^[72]. В отечественной литературе данная проблематика была поначалу представлена отдельными статьями ^[8,9], а впоследствии коллективными монографиями ^[19], в том числе с участием ведущих зарубежных специалистов ^[20]. Русскоязычные монографии изданы в Белоруссии ^[26], Украине ^[38] и России ^[11].

Подробный анализ симптомов зависимости от Интернета был представлен в одной из первых обзорных статей. Анализ причин, согласно которым следует по-прежнему говорить об Интернет-зависимости как о своеобразном феномене, а не о заболевании, приведен, к примеру, в статьях А.Е. Войскунского ^[10] или Дж. Грохола ^[12]. Впрочем, на этот счет имеются разные точки зрения ^[73, 38, 39, 88], хотя нельзя отрицать, что в медицинских документах, фиксирующих все признаваемые специалистами виды психических заболеваний (включая зависимость, отклонения, фобии и др.), Интернет-зависимость пока не зафиксирована: возможные изменения в этом плане могут последовать очень скоро, в течение 2013 года. Более того, феномен Интернет-зависимости является родовым для целого ряда психологических проблем, которые обусловлены не только наличием компьютеров и Интернета, но и окружающей социальной средой ^[10, 88].

Согласно распространенной точке зрения, следует различать два типа зависимости от Интернета: *специфическую*, которая вызывает зависимость от некоторой специфической функции Интернета, например: кибер-секс, азартные игры, и т.п.; и *генерализованную* зависимость от Интернета, которая связана с уникальным паттерном коммуникации в Интернете ^[16]. По Гриффитсу, только генерализованная зависимость может считаться действительной зависимостью от Интернета, а большая часть тех, кто избыточно применяет Интернет, не являются зависимыми непосредственно от Интернета, для них Интернет – это своего рода питательная среда для поддержания других своих зависимостей ^[16].

Нельзя полагать, что данный феномен, связанный преимущественно с изменением стиля жизни современного человека, развивается независимо от географических рамок и практически не связан с социокультурными, религиозными или этническими параметрами. Количество Интернет-зависимых (их называют также аддиктами) различается в разных странах и регионах; правда, подобные подсчеты – при нечетких критериях и отсутствии репрезентативных исследований – могут быть лишь прикидочными. Прикидочные количественные оценки известны для большинства регионов мира ^[10, 72], и согласно большинству из них, наиболее проблемным регионом должен быть признан Дальний Восток – а именно, Южная Корея и страны, в которых говорят на китайском языке (собственно Китай, а также Тайвань, Сингапур и др.). В последнее время страны Дальнего Востока занимают также одно из лидирующих мест по количеству опубликованных исследований феномена Интернет-зависимости ^[10]. Более того, известно, что в этих странах проблема Интернет-зависимости близка к тому, чтобы вызвать немалые социальные проблемы, вследствие чего данная проблематика стала одной из приоритетных психолого-медицинских задач и решается на государственном уровне ^[10, 72, 33, 50]. Социокультурное основание проблематики Интернет-зависимости представляется весьма существенным ^[57, 6].

Согласно прозвучавшему предложению, «следует объединить усилия не только для того, чтобы оправдать или опровергнуть существование нового потенциального заболевания, но и для того, чтобы понять, каким образом выявить тех людей, чья жизнь идет под откос из-за присущих им компульсивных влечений, каким-либо образом понять их проблемы и в конечном итоге помочь им. Если мы будем последовательными в своем движении в этом направлении, то нам постепенно откроются ответы и на многие другие вопросы – например, касательно нозологии, политики или культуры»^[29].

Сказанное поясняет, что рассмотрение феномена зависимости от Интернета в такой стране, как Китай – с учетом его окружения и мирового опыта – представляет определенный научный интерес. Данная статья посвящена именно китайскому опыту обращения с такой новоявленной проблемой, как растущая Интернет-зависимость. Эта проблема идет рука об руку со стремительной модернизацией и приобщением населения наиболее населенной в мире страны к самым современным и совершенным глобальным технологиям^[113]. Ряд организационных, историко-культурных и политических проблем, связанных с положением дел в области зависимости от Интернета в Китае, был рассмотрен в ранее вышедшей статье одного из авторов^[3].

Общие представления о феномене Интернет-зависимости и основные точки зрения по поводу становления соответствующей проблематики в психологии и медицине

Часто считают, что первый признак феномена Интернет-зависимости – это слишком долгое пребывание в Интернете. Для определения этого феномена «исследователи постарались прежде всего квантифицировать количество часов, которые нужно провести в онлайне»^[17, с. 264-265]. Действительно, для более чем половины людей, страдающих от психологических проблем, связанных с употреблением Интернета, эти проблемы возникают именно из-за чрезмерного пользования Интернетом^[82]. Но длительность пребывания в Интернете сама по себе не есть единственная причина становления проблемы Интернет-зависимости. Ведь в отличие от других зависимостей (например, химических или от азартных игр), которые считаются исключительно вредными и должны быть совершенно исключены, Интернет уже стал реально необходимым средством почти в любой сфере жизни человека^[118]. Например, высказано мнение, в соответствии с которым компьютерная техника уже изменила общественную концепцию образования: если в школе нет компьютера и Интернета, вряд ли вообще стоит там учиться^[40, p. 21]. Таким образом, появился существенный вопрос: как отличить необходимое использование Интернета от чрезмерного или вредного? В психологии выработаны несколько направлений объяснения данного феномена.

Психопатология и Интернет-зависимость

Для родоначальника исследований феномена Интернет-зависимости американского клинического психолога К. Янг Интернет-зависимость – это реальное психическое расстройство^[116, 117]. Действительно, в ряде исследований показано, что Интернет-зависимость часто соседствует с депрессией, биполярным расстройством, злоупотреблением алкоголем или наркотиками, сексуальной зависимостью, азартным поведением, расстройством контроля над побуждениями и т.п.^[117, 95, 92, 89, 97, 93, 104]. Кроме того, было обнаружено, что интенсивность применения Интернета тесно связана с вероятностью предшествующего прохождения психиатрического лечения и наличия суицидальных наклонностей^[84].

Один из существенных вопросов для психопатологии – это как определять Интернет-зависимость. В проведении с применением эксплораторного и конфирматорного факторного анализа исследовании показано, что имеющиеся опросники обычно измеряют Интернет-зависимость посредством трех аспектов: синдром отмены и социальные проблемы, контроль времени и поведение, замена реальности^[48]. Обобщая ряд работ, посвященных определению зависимости от Интернета, можно допустить, что «она представляет собой потерю контроля над влечением к использованию Интернета, продолжающегося несмотря на то, что из-за чрезмерного (избыточного) применения Интернета в жизни пользователя появляются неразрешимые проблемы»^[7].

Взгляд на Интернет-зависимость как на заболевание вызывает как поддержку специалистов, так и возражения^[20]. Следует признать, что большинство проблем в исследовании Интернет-зависимости в рамках психопатологии связаны с отсутствием твердой теоретической основы для понимания этого нового феномена. Например, несмотря на многочисленность научных работ, посвященных диагностике, патологии (например,

изучению связи Интернет-зависимости с предшествующими психологическими проблемами, чертами личности, психофизиологическими параметрами, социальными отношениями и т.д.) и лечению Интернет-зависимости, специалисты не обращают достаточного внимания на социокультурное основание возникновения этой проблемы ^[56].

Кроме того, поддерживающие концепцию Интернет-зависимости как заболевания специалисты, как правило, просто подчеркивают важность принятых в обществе норм, но при этом не обращают внимание на возможный позитивный потенциал, скрытый за внешним (негативным) аспектом такой проблемы. Так, онлайн-деятельность часто связана с постепенным развитием полезных навыков и повторением их ^[106, 107]. Иной раз исключительно из-за внешнего сходства повторяемого в Интернете действия с другими повторяющимися действиями, квалифицируемыми как зависимости (примером могут служить кибер-секс, азартные игры онлайн и т.п.), это действие также именуется как зависимость, т.е. рассматривается как заболевание. Данное соображение лишь раз подтверждает справедливость высказанной в позитивной психологии точки зрения, согласно которой психопатология порой занимает не самую эффективную позицию в решении психологических проблем ^[12, 27].

Добавим к этому следующее соображение. Несмотря на довольно значительное количество инструментов измерения Интернет-зависимости, типичным недостатком большинства исследований является отсутствие единых критериев диагностики и оценки ^[88]. Согласованность и валидность применяемых методов также нередко подвергаются сомнению и критике ^[44, 65]. В большинстве осуществленных к настоящему времени исследований получены во многом несовпадающие результаты ^[112]. Сложность еще и в том, что имеющиеся методики способствуют завышению числа Интернет-зависимых ^[88].

Сколь бы надежные методики измерения ни появились в будущем, какие бы ни удалось выявить связи между Интернет-зависимостью и личностными свойствами, к настоящему времени изучены не более чем внешние аспекты данного феномена. Смешивая воедино разнообразные факторы, например, психологические симптомы, социальные проблемы, аспекты контроля времени и т.п., мы еще очень мало продвинулись в познании его сущности.

Поведенческая [нехимическая] зависимость от технологий и феномены Интернет-зависимости

Ряд авторов предложили набор критериев для диагностики т.н. поведенческих (нехимических) зависимостей, среди которых выделяются технологические зависимости, в том числе зависимость от Интернета ^[16, 68]. Близкой точки зрения придерживаются многие отечественные ^[18, 21, 24] и украинские ^[13] специалисты.

М.Гриффитс считает, что истинная зависимость от Интернета, т.е. генерализованная зависимость, должна быть отнесена к общему родовому наименованию: «технологической зависимости» ^[68]. По мнению Гриффитса, технологическая зависимость – это нехимические [поведенческие] зависимости, включающие избыточное взаимодействие между человеком и машиной ^[16]. «Технологические зависимости могут рассматриваться как разновидность поведенческих зависимостей: они включают такие ключевые компоненты всякой зависимости, как «сверхценность» (salience), модификация настроения (mood modification), увеличение толерантности (tolerance), симптомы отмены (withdrawal), конфликт с окружающими и с самим собой (conflict) и рецидив (relapse)» ^[16]. Но, рассматривая конкретные случаи, М.Гриффитс подчеркивает, что во многих из них, несмотря на поставленный другими специалистами диагноз Интернет-зависимости, наличие либо специфическая зависимость от Интернета, либо данный случай вообще не соответствует критериям технологической зависимости ^[68, 112]. Поэтому, критикуя точку зрения специалистов, считающих Интернет-зависимость широко распространенным клиническим заболеванием, Гриффитс утверждает, что «если зависимость от Интернета и существует на самом деле, то она затронула не более чем относительно небольшой процент пользователей Интернета» ^[16].

POSI и Интернет-зависимость

Исследования показывают, что люди, которые испытывают проблемы в межличностном общении, обычно предпочитают общение в Интернете общению лицом к лицу (preference for online, over F2F, social interaction, POSI) ^[94, 43, 22, 30]. Исследования равным образом подтверждают, что предпочтение взаимодействия через Интернет личному общению играет важную роль не только в формировании специфической зависимости от Интернета, но и в развитии генерализованной Интернет-зависимости ^[43, 45, 57, 79]. Отмечается, что для Интернет-зависимых «Интернет играет роль освободителя от бремени общественного отношения, он – Прозак для социальной коммуникации» ^[89, p. 20].

По сравнению с общением лицом к лицу, общение в Интернете обычно основано на печатном тексте, что почти неизбежно ведет к потере столь важных сторон традиционного общения, как, например жестикуляция, мимика и интонация. Даже если применить техники мультимедиа, в общении посредством Интернета все равно недостает почти всех видов физического взаимодействия между людьми, например: рукопожатие, крепкое объятие, поцелуи. Отсутствие зрительного канала делает общение в Интернете сравнительно безопасным для людей стеснительных, испытывающих затруднения при традиционном общении ^[95, 110, 11, 20].

Поэтому люди, страдающие от хронического одиночества и тревоги из-за страха сближения с другими, испытывающие боязнь получения негативной оценки и отказа, зачастую предпочитают общение в Интернете общению лицом к лицу. Подобные предпочтения могут predisposing к формированию зависимости ^[88]. Именно на таких – в первую очередь средовых и культурных – соображениях основывается когнитивно-поведенческая теория формирования Интернет-зависимости.

Согласно когнитивно-поведенческой теории, само по себе употребление субстанции и демонстрация поведения, вызывающего зависимость, не обязательно приводит к формированию таковой. Высший уровень когнитивных процессов, таких как вера, ожидания и атрибуции, также относятся к факторам становления зависимости ^[88]. Важную роль в формировании Интернет-зависимости играют предшествующие психологические проблемы, например одиночество и депрессия. Люди, остро ощущающие отсутствие способности к самоконтролю и самопрезентации, склонны к проблемам, связанным с депрессией, социофобией и одиночеством. Часто именно эти люди, находясь в ситуации общественной изоляции, пользуются взаимодействием посредством Интернета для бегства от депрессии, социофобии, одиночества и других эмоциональных страданий. В опосредствованном общении они испытывают чувство контроля: Интернет для них – это буфер социальной коммуникации ^[58].

Трансформация индивидуальности и Интернет-зависимость

Хотя показано, что POSI играет важную роль в становлении Интернет-зависимости, о внутреннем механизме связи POSI с применением Интернета для регуляции эмоций известно мало ^[47]. Возможно, механизмы функционирования POSI следует рассматривать в рамках психоанализа.

Отличительная черта общения в Интернете – это анонимность, которая дает пользователям возможность открыто выражать свои чувства и мнения, демонстрировать особенности своей личности. Такое явление получило наименование «феномен социального расторможения в Интернете», и такой процесс существенно влияет на формирование идентичности пользователя ^[75, 105, p. 14]. Данный эффект и его генез при применении Интернета почти тождественен с конкретным эффектом и механизмами, называемыми психоаналитиками «регрессом персоны» во время проведения психоанализа, что описано известным американским психиатром следующим образом: «Дай человеку, пришедшему за помощью, привилегию говорить на любую тему, которая придет ему в голову, и если слушатель не будет чрезмерно вмешиваться, и не обольет его холодной водой, то этот человек, ищущий терапевтическую помощь, будет испытывать удовольствие и наряду с этим постепенно растущее разочарование. Тогда начальное желание этого человека излечиться постепенно ослабевает, и на смену ему приходит первобытное и более глубинное желание...» ^[86, p. 43]. Этой регрессивной тенденции сопутствуют колебания и вариации в Я-концепции или самооценке, включающей образ собственного тела (body image) и идеальное эго (ego-ideal). Этот процесс проходит в форме волн и циклов чередующихся мироощущений, с частыми «вспышками» и «выравниваниями».

Здесь есть некоторая ирония: несмотря на то, что зависимость от Интернета описывается учеными как психическая болезнь, с точки зрения психоанализа взаимодействие в Интернете имеет терапевтические черты и может выполнять терапевтические функции, а также оказывать помощь в развитии и трансформации индивидуальности человека: «Виртуальное пространство предоставляет нам безопасность, чтобы мы могли смириться со своими потерями и недостатками, поэтому мы можем начать принимать себя такими, какие мы есть. Мы используем его как пространство для саморазвития. Буквально написав свою онлайн-личность в Интернете и тем самым сделав ее существующей, мы оказываемся в таком положении, когда приходится обращать больше внимания на то, что мы проецируем в своей повседневной жизни» ^[105, p. 12].

Один из актуальных вопросов, связанных с трансформацией личности пользователя в Интернете – это могут ли данные трансформации проявиться в жизни вне Интернета. Если нет, у пользователя будет формироваться раздвоение личности: в Интернете и вне Интернета. Один пользователь Интернета так описал себя: «Моя личность в Интернете значительно отличается от личности вне Интернета. И во многом моя личность в Интернете более истинна... (в Интернете) я чувствую опыт потока разговора, у меня есть

время для того, чтобы выверить свою реакцию, мне не надо беспокоиться о балансе пространства разговора – мы создаем комфортное пространство разговора, как мы хотим ... для меня это - переживание освобождения, это чудесно» [105, с. 318].

Можно полагать, что такое раздвоение соответствует явлению, которое рассматривается в рамках когнитивно-поведенческой терапии как бегство от лежащей вне Интернета проблемы, что представляет собой повод для развития Интернет-зависимости. Cooper and Sportolari [1997, int. no 88, p. 56] заметили, что «вместо использования Интернета как способа проработки задержанного и конфликтного аспекта своего «Я», использование Интернета может стать причиной дальнейшего разделения частей неинтегрированного Эго пользователя Интернета, что приводит к компульсивно-деструктивной зависимости от своих персонажей и отношений в Интернете».

Нормативная сторона зависимости от Интернета

Мы уже отмечалось, применение Интернета выполняет иной раз терапевтическую функцию для осознания и решения проблем, появившихся в жизни вне Интернета. Но предпочтение общения в Интернете может способствовать усугублению ранее проявивших себя проблем, связанных с социальной жизнью вне Интернета [146]. Поэтому, психологи «не только подтверждают компенсаторный и суррогатный характер Интернет-общения, но и указывают на негативное влияние внедрения этого средства общения в повседневную жизнь» [10, с. 185].

С другой стороны, как едва ли не каждый клиент, реально нуждающийся в психологической помощи, Интернет-зависимые клиенты редко жалуются на проблемы, связанные с применением Интернета. Зачастую они отказываются считать это проблемой и не обращаются за психологической помощью по собственному желанию, потому что в результате терапии они не смогут свободно пользоваться Интернетом, а жизнь их вернется в прежнее русло [20, 66, 93, 118]. Так что насущный вопрос таков: кто прав? Что более существенно: личный выбор Интернет-зависимых людей или мнение психологов? Кто вправе решать, сколько времени можно проводить в Интернете и что следует делать в Интернете? И каковы нормы?

Можно согласиться с Мюрреем, по мнению которого избавиться от Интернет-зависимости можно без посторонней психологической помощи [15, с. 139]. С таким выводом согласны некоторые другие авторы: поскольку нет рекомендаций по медицинской терапии Интернет-зависимости, то (наряду с когнитивно-бихевиоральной терапией или консультациями специалистов по семейной терапии) каждый потенциальный аддикт может оказать себе помощь самостоятельно, перестроив собственные диспозиции, изменив поведение и попросту прекратив применять компьютер и Интернет [98] либо дозируя такое применение.

В итоге, с нашей точки зрения, вопрос не в том, что в Интернете нет проблемы зависимости (конечно, она есть). А поскольку есть такая проблема, психолог не имеет права предлагать ее решение, не учитывая мнение и выбор самого пользователя Интернета, сколь бы ни были надежны инструменты измерения Интернет-зависимости.

Основные методики измерения Интернет-зависимости

Раннее вмешательство считается одним из решающих факторов успеха в лечении зависимостей. Поэтому выявление и оказание психологической помощи в области Интернет-зависимости стало актуальной задачей. Как отмечалось выше, специалисты далеки от достижения договоренности в вопросе о сущности и дефиниции Интернет-зависимости. Таким образом, можно сказать, что существуют практически столько же точек зрения на Интернет-зависимость, сколько есть методик измерения Интернет-зависимости [120].

Сначала методики измерения Интернет-зависимости разрабатывались в рамках клинической патологии. Вслед за А. Голдбергом [163], впервые поднявшим вопрос о феномене Интернет-зависимости, Интернет-зависимость часто причисляют к расстройствам привычек и влечений. Первый широко известный инструмент измерения Интернет-зависимости называется YDQ (Young's Diagnostic Questionnaire) и был предложен в 1996 г. [116]. Эта методика разработана на основе критериев патологического влечения к азартным играм (описание соответствует медицинскому справочнику по психическим заболеваниям DSM-IV; новая редакция данного справочника, а именно DSM-V, ожидается в 2013 г.). Она представляет собой опросник из 8 вопросов с ответами «да/нет»; пять и более ответов «да» означают зависимость. Впоследствии было предложено «усилить» критерий, дифференцирующий зависимость от Интернета: для признания респондента зависимым ему/ей необходимо дать положительный ответ на все пять из первых пяти пунктов плюс утвердительный ответ хотя бы на один из следующих трех пунктов [42]. В 1998 г. на основе YDQ, приняв шкалу Лайкерта, Янг разработала новый инструмент измерения – IAT (Internet Addiction Test), который состоит из 20 вопросов. Зависимость диагностируется при количестве баллов, превышающем 70 [117].

В рамках клинической патологии предлагалось сопоставить зависимость от Интернета с обсессивно-компульсивным расстройством. На основе критериев такого расстройства (описание соответствует критериям представленного в справочнике DSM IV-TR заболевания: impulse control disorder) и расстройства контроля компульсивного приобретения (impulse control disorder of compulsive buying) предложен и обоснован соответствующий инструмент измерения Интернет-зависимости [96].

Мы уже упоминали, что в рамках критериев технологических зависимостей специалистами разработана методика с 6 ключевыми компонентами, причем среди технологических разновидностей различаются пассивные (например, просмотр телепрограмм) и активные (например, компьютерные игры) ^[16]. Вслед за Р.А. Дэвисом и М. Гриффитсом ^[69-70, 47], предложившими различать специфические и генерализованные виды Интернет-зависимости, С.Каплан разработал методику GPIUS (Generalized Problematic Internet Use Scale), вопросы которой относятся к 3 кластерам: когниция, поведение, негативные последствия ^[45]. При этом высказано мнение, что создание универсальной шкалы генерализованной зависимости – дело менее перспективное, чем разработка конкретных шкал для изучения специфических видов зависимости ^[113].

Итак, в начале XXI века опросники для измерения Интернет-зависимости становятся более сложными: увеличивается количество вопросов, для диагностики Интернет-зависимости закономерно применяются статистические методы ^[10]. Например, один за другим появились следующие известные инструменты измерения Интернет-зависимости: PUS: Pathological Use Scale ^[89]; OCS: Online Cognition scale ^[58]; IAS: Internet Addiction Scale ^[92]; PIUQ: Problematic Internet Use Questionnaire ^[103]; CIUS: Compulsive Internet Use Scale ^[85].

Несмотря на довольно значительное количество инструментов измерения Интернет-зависимости, согласованность и валидность применяемых методов нередко подвергаются сомнению и критике ^[44, 85]. В большинстве осуществленных к настоящему времени исследований получены во многом несовпадающие результаты ^[112].

Интернет-зависимость в Китае

Распространенность Интернет-зависимости в Китае

В Китае, где большинство пользователей Интернета – это молодые люди, правительственные органы обращают пристальное внимание на проблему Интернет-зависимости среди подростков и молодежи. Начиная с 2005 г., каждые две года CYIA (China Youth Internet Association) – орган, принадлежащий CYCLCC (China Youth Communist League Center Committee), – публикует «Отчет по актуальному состоянию Интернет-зависимости среди подростков и молодежи». Согласно таким отчетам, к 10.01.2010 в городах Китая 24 миллиона 42 тысячи (14,1%) детей, подростков и молодых людей (возраст от 6 до 29 лет) подвержены Интернет-зависимости ^[55]. Кроме этого, среди тех, у кого нет Интернет-зависимости, примерно 18 миллиона 585 тысячи (12,7%) имеют склонность к Интернет-зависимости.

Самый высокий (15,6%) уровень Интернет-зависимости оказался среди молодых пользователей Интернета в возрасте 18-23 года. Соотношение полов среди Интернет-зависимых следующее: молодых мужчин в среднем на 5,6% больше, чем женщин. В отчете показано также, что чем ниже уровень социально-экономического развития города, тем выше уровень зависимости от Интернета. В наиболее развитых районах (Пекин, Шанхай и Гуанчжоу) 8,4% детей, подростков и молодежи страдают от Интернет-зависимости, а в слаборазвитых районах и районах со средним уровнем развития число зависимых от Интернета составляет 14,8% - 16,6% ^[55].

В Китае проблемы Интернет-зависимости в первую очередь связаны с онлайн-игровой деятельностью и общением. Так, 47,9% Интернет-зависимых страдают от игровой зависимости, а для 13,2% характерна зависимость от общения в Интернете. Среднее время, проведенное в Интернете, среди Интернет-зависимых – это 135,5 минут, а среди не зависимых – 72,7 минут ^[55].

Позиция правительства и общества Китая относительно проблемы Интернет-зависимости

В последние годы Интернет-зависимость серьезно беспокоит правительство Китая. После того, как CYIA был опубликован первый отчет об Интернет-зависимости среди молодежи и подростков в Китае в 2005 г., правительство Китая приняло определенные меры против распространения этой проблемы. В соответствии с законом «О защите несовершеннолетних», опубликованным в 2006 г., принимать меры во избежание развития Интернет-зависимости среди несовершеннолетних стало юридическим обязательством правительства Китая. Так, правительство начало финансировать восемь клиник для лечения Интернет-зависимых. В 2008 г. Министерство здравоохранения начало финансировать исследования, направленные на измерение Интернет-зависимости, чтобы создать официальный стандарт такого измерения и объявить Интернет-зависимость отдельным видом клинического заболевания. Был опубликован также «План руководства развитием системы работ по психическому здоровью в Китае 2008-2015», согласно которому Министерство культуры Китая было назначено осуществлять контроль содержания материалов, которые считаются способными вызывать Интернет-зависимость ^[6].

Наряду с чрезмерно серьезным отношением китайского правительства к проблеме Интернет-зависимости, необходимо упомянуть, что в Китае на данный момент информация в Интернете подвергается строгой цензуре. Правительство расходует большие суммы на блокирование нежелательной информации – в частности, противодействует отправке сообщений с «вредными» сведениями. В связи с этим Facebook, Twitter и Youtube, которые являются самыми популярными веб-ресурсами в мире, а также другие популярные новостные сайты, например BBC, VOA, DW и т.д., в Китае не доступны. С начала 2008 г.

цензура в Китае стала еще строже, сопутствуя расширению влияния Интернета на китайское общество. Например, из-за политики, проводимой китайскими властями в отношении Интернет-ресурсов, Google в 2010 году закрыл поисковый сервис под доменным именем google.cn. В том же 2010 г. 41% веб-сайтов в Китае были закрыты, а количество доменных имен уменьшилось на 59,5% ^[32].

В итоге, в сравнении с другими государствами, руководители китайского государства обычно занимает чрезмерно негативную позицию к развитию Интернета. Некоторые специалисты подчеркивают, что в Китае наименование Интернет-зависимость часто используется правительствам для подавления противоречащих официальной позиции и нежелательной информации. Генеральный секретарь Информационного Центра исследований Китайской академии социальных наук Jiang Qi Ping считает, что в китайском обществе проблема зависимости от Интернета была неверно истолкована как клиническая болезнь - это может быть воспринято как отражение позиции о дискриминации в отношении к Интернету.

В отличие от позиции правительства и консервативных слоев общества, молодые люди в Китае являются сторонниками Интернета. Они выступают против негативной официальной позиции относительно применения Интернета. В Китае были сняты фильмы об Интернет-зависимости для того, чтобы высмеять политику правительства. Один из этих фильмов даже получил приз в качестве лучшего короткометражного фильма на «Кинофестивале имени Тудол» в 2010 г. [http://www.tudou.com/home/diary_v1948610.html]. Кроме того, среди китайских пользователей Интернета оппозиция интернет-цензуре ведет к развитию специфического сленга. Например, вместо «меня забанила цензура» говорят «я GFWed!» или «меня гармонизировали»: суть официального документа "О гармоничном развитии страны, СМИ и Интернета" – в закрытии неудобных газет и сайтов ^[33].

Система образования Китая и Интернет-зависимость

В ряде исследований показано, что люди могут использовать Интернет, в частности, для компенсации потерь в реальной жизни: тем самым Интернет-зависимость может быть связана с трудными жизненными ситуациями – разводом, тяжелой утратой, потерей работы, отсутствием социальной поддержки, испытанием неудачи, отсутствием интересов в жизни и т.д. ^[38, 33, 34, 73].

Такого рода трудные жизненные ситуации для молодежи и подростков в Китае зачастую бывают вызваны системой образования. Имеется мнение, согласно которому широко распространенная среди китайских подростков проблема Интернет-зависимости связана с единой системой оценивания учебных достижений ^[22].

В Китае поступление в университет считается своего рода "золотым бонусом" для будущего развития. Поэтому, все, что не связано с учебой, соответствующей программам вступительного экзамена в университет, считается излишним. В результате жизнь китайского школьника отличается не только монотонностью, но и сильным социальным давлением. Это способствует поиску молодыми людьми удовольствий и духовной компенсации в Интернете. Так, в отчете CYIA ^[35] показано, что в хорошо развитых городах к услугам школьников больше внеучебных мероприятий и большее число интересных учебных ресурсов, чем в других местностях. В данном факте можно усмотреть одну из причин сравнительно низкого уровня Интернет-зависимости в крупных хорошо развитых городах.

Кроме того, в Китае лишь малая часть молодых людей имеет возможность поступить в университет. Если учебные достижения – едва ли не единственная оценка достижений молодежи, то получается, что большинство молодых людей в Китае – это неудачники. Исследования, проведенные в Китае, показывают, что зависимость от Интернета негативно связана с учебными достижениями: 28,8% тех, кто считает, что у него или нее плохая успеваемость, страдают от Интернет-зависимости; среди студентов профессиональных колледжей и технических школ, которым затруднительно поступить в университет, примерно 19,0% страдают от Интернет-зависимости.

Проблемы с общением, семейными отношениями и их связь с Интернет-зависимостью

Благодаря частичной анонимности и ограниченности визуальной информации, Интернет способен выполнять роль буфера социальной коммуникации для всех, кто находится в ситуации общественной изоляции. В Китае люди с дефицитом обыденных взаимоотношений с другими часто испытывают Интернет-зависимость: они не доверяют окружающим, испытывают беспокойство и депрессию во время общения ^[36].

^[21] Согласно отчету CYIA, 38,0% молодых людей, страдающих зависимостью от Интернета, обычно не проявляют инициативы в общении в отличие от 29,1% тех, у кого нет такой зависимости ^[35].

В китайской культуре издавна высоко ценится значение семьи, которая считается основной единицей китайского общества. Действия индивида постоянно направляются требованиями семьи и соответствуют им ^[113]. Отсутствие привязанности и недостаток детско-родительского общения имеют немалое значение для формирования зависимости. Структура семьи, принятый в ней стиль общения и семейная атмосфера тесно связаны с формированием зависимости от Интернета. Так, школьники, воспитывающиеся в авторитарной семье или в семье с напряженными отношениями между родителями, в большей степени подвержены Интернет-зависимости. Воспитывающиеся матерями-одиночками дети также подвержены зависимости от компьютерных игр; подростки, чьи родители имеют низкий уровень образования, в большей степени страдают от Интернет-зависимости, чем дети более образованных родителей (по данным CYIA).

Близкие данные опубликованы относительно Южной Кореи, в которой также характерна ориентация на семью и на «бегство» в Интернет-зависимость при неудачах во взаимодействии с внешним миром^[50]. Таким образом, можно констатировать определенное тождество между положением с зависимостью от Интернета в дальневосточном регионе.

Психопатология и Интернет-зависимость

В научном сообществе, как отмечалось, ведется горячая дискуссия о правомерности квалификации Интернет-зависимости как одного из видов клинического заболевания. В Китае же большинство специалистов прошло мимо такого рода обсуждений; их больше привлекает перспектива обнаружения патологической причины возникновения Интернет-зависимости.

Так, делаются попытки рассматривать зависимость от Интернета в рамках теории автоматического процессинга, согласно которой при длительном повторении некоторого поведения формируется психологический механизм повторяющегося процесса, который вызывает зависимость^[6]. Считается, что зависимые от Интернета в отличие от независимых склонны обращать внимание прежде всего на негативную информацию, в силу чего у них формируются механизмы негативного реагирования и негативная схема «Я»^[110]. Высказано мнение, что привычная эмоция агрессии, связанная с агрессивной компьютерной игрой, способна вызывать Интернет-зависимость^[13]. Ряд исследований посвящен поиску связи черт личности (понимаемых в контексте теории «большой пятерки») с Интернет-зависимостью; утверждается, что добросовестность, экстраверсия и доброжелательность особенно тесно связаны со становлением Интернет-зависимости^[6].

Если большинство китайских исследований в данной области – это модификация зарубежных исследований, то в сфере обнаружения связи между зависимостью от Интернета и психофизиологическим состоянием мозга ученые из Китая являются пионерами. Например, первая работа по Интернет-зависимости, в которой был применен метод функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI), была выполнена в Китае: показано, что у зависимых по сравнению с не зависимыми заметно повышается активность мозга в определенных областях в процессе выполнения задачи GoStop (GoStop Impulsivity paradigm)^[81]. Данная экспериментальная работа действительно является пионерской, однако ее значимость отчасти снижена за счет отсутствия адекватных и всеми признанных методов диагностики Интернет-зависимости.

Развитие в Китае методик и критериев определения зависимости от Интернета

Как упоминалось выше, для измерения зависимости от Интернета обычно используются опросные методы, но по поводу критериев оценки и симптоматики специалисты высказывают не во всем совпадающие мнения^[20]. В этом плане Китай – не исключение, и были предприняты определенные усилия для создания инструмента измерения Интернет-зависимости, учитывающего культурные особенности китайского общества.

Разработка китайскоязычной шкалы для диагностики зависимости от Интернета ведется с 2000 г.; первоначально на Тайване были переведены западные опросные методики, а в 2003 г. тайванскими специалистами была самостоятельно разработана «Китайская шкала зависимости от Интернета» (CIAS)^[49]. Спустя год на основе предложенных К. Янг шкал, частично опирающихся на стандартные методы измерения зависимости от азартных игр, была разработана другая – сокращенная – шкала зависимости от Интернета^[13]. В 2005 г. шкала CIAS была частично модифицирована^[41]. И в том же году, ориентируясь на стандарты химических зависимостей, в Китае была разработана шкала с 9 группами факторов и 30 пунктами^[74]. В 2008 г. Министерство здравоохранения Китая одобрило методику, опубликованную Центральным военным госпиталем Пекинского округа (Beijing Military Region General Hospital), как официальной стандарт измерения Интернет-зависимости^[62]. Согласно этой шкале, если в течение 3 месяцев люди проводят в Интернете свыше 6 часов в сутки не для учебы или работы, они квалифицируются как Интернет-зависимые^[6].

Итак, в Китае применяются разнообразные измерительные инструменты, независимо созданные различными организациями, занимающимися диагностикой и терапией Интернет-зависимости. Но эти методы вызывают негативный общественный резонанс из-за того, что в них часто приняты упрощенные стандарты, связанные, например, только с длительностью пребывания в Интернете. Наименее подверженная критике с психологических и психометрических позиций и одновременно наиболее распространенная – это шкала CIAS.

Разработанная на Тайване, данная методика с успехом применяется и в материковом Китае. В последнее время она была адаптирована также в России^[19]. В этой шкале 26 пунктов, которые подразделяются на 5 групп факторов: толерантность применения Интернета (4 пункта), компульсивность при применении Интернета (5 пунктов), синдром отмены (5 пунктов), проблемы межличностного общения и проблемы здоровья (7 пунктов) и проблемы контроля времени (5 пунктов). При ответах используется шкала Лайкерта [от 1 до 4 баллов]. Максимальный показатель составляет 104 балла, а минимальный – 26 баллов. Испытуемые, сумма баллов которых выше 64, определяются как Интернет-зависимые^[77]. В сравнении с другими методиками главное достоинство данной шкалы в том, что она достаточно хорошо структурирована

и измеряет Интернет-зависимость относительно всесторонне. В связи с этим она позволяет выявлять клинические и поведенческие признаки зависимости и определить особенный паттерн зависимого поведения. Притом ей присуща высокая надежность, а Кронбаха данной шкалы равняется 0.93.

Способы терапии Интернет-зависимости в Китае

В Китае имеются более 300 организаций для лечения Интернет-зависимости. Опубликованные методы психологической терапии Интернет-зависимости [например, когнитивно-поведенческая терапия] умалчивают о деталях процесса. Для помощи при Интернет-зависимости часто используются психотропные средства [например, прозак]. Широко применяются мушмула и другие народные средства – как для облегчения признаков зависимости, так и для сопутствующей депрессии^[101].

Одним из наиболее эффективных способов терапии зависимости от Интернета признается закрытая госпитализация. Наряду с госпитализацией, многие организации, занимающиеся терапией Интернет-зависимости, широко пользуются способом полувоенной дисциплины и суровых наказаний в духе давней «культурной революции» в Китае. Например, метод электро-судорожной терапии (ЭСТ), который разработан для лечения шизофрении, в течение нескольких лет применялся для терапии Интернет-зависимости доктором Ян Юнсинем в условиях такого трудового лагеря для подростков^[102]. Ян Юнсинь называет свой метод психотерапией, однако отсутствуют какие-либо доказательства, что метод ЭСТ показан для избавления от Интернет-зависимости. Наряду с жестоким методом терапии, в лагере Ян Юнсиня практиковались наказания и недостаточное питание, и 02.08.2010 подросток, не достигший 16 лет, умер – то ли от лечения зависимости от Интернета, то ли из-за избиения. Данный случай получил известность (главным образом благодаря активности китайских диссидентов), и начиная с 2009 г. Министерство здравоохранения Китая запретило применение метода ЭСТ применительно к Интернет-зависимым подросткам^[103].

Кроме того, стало известно, что военизированная дисциплина характерна для многих лечебных заведений, в которых занимаются излечением зависимости от Интернета. Можно смело предположить, что лечение такого рода имеет мало общего с психотерапевтическим. Столь же «эффективным» способом избавления от зависимости от Интернета может быть названо морализирование и уговоры. Представителем этого направления может считаться Тао Хонкай, согласно которому ключевой прием при терапии зависимости от Интернета – это всестороннее повышение идеологических и этических норм.

Китайский миф: рассмотрение феномена Интернет-зависимости в контексте тенденции к коллективизму

С нашей точки зрения, особенности феномена Интернет-зависимости в Китае необходимо рассматривать в контексте китайского коллективизма, а ключ к пониманию китайского коллективизма лежит в истории развития культуры страны.

Китай – это большая территория, на которой проживают разные народы, поэтому сохранение сильной и эффективной централизованной системы управления было практически важной задачей. Причем в Китае это реализовано, и в отличие от европейских империй относительное единство поддерживается в течение уже трех тысяч лет. Почему же именно в Китае это стало возможным? С точки зрения известного специалиста по китайской истории^[60], существенную роль играет китайский коллективизм или идея объединения, что может быть охарактеризовано в следующих основных аспектах.

Во-первых, национальное объединение можно назвать культурным национализмом, который связан с философией конфуцианства. Притом патриотизм и национализм в Китае – это практически одно и то же. Хотя в Китае нет общенациональной религии, однако фактически объединяющую роль в светской жизни Китая играет именно государство. В связи с этим национальное объединение – это уже не только требование власти, но и желание народов Китая.

Во-вторых, важную роль в объединении Китая и в создании системы управления играет система образования, основой которой является традиционная система экзаменов в династии Тан. Цели образования в Китае связаны прежде всего не с передачей знаний, а с идеологической обработкой, в особенности связанной с ценностями китайского коллективизма.

В-третьих, характерной особенностью культуры Китая является существование Великой Китайской стены – не только реального объекта, но и виртуальной преграды, служащей для блокирования доступа к информации. Подобное информационное блокирование является порождением элитарных слоев Китая. В традиционном Китае простонародью не полагалось много знать и задумываться, потому что считалось, что все вопросы будет обдумывать и решать правительство. Исторически в Китае император считается отцом народа, который заботится о нем так же, как отец заботится о маленьком ребенке. А система образования обеспечивает еще и отбор будущих чиновников, которые станут помощниками императора.

Наконец, важную роль в жизнедеятельности китайского общества играет семья. Значимость кровного родства – это дополнительный способ общественного управления, поскольку в силу размеров территории и многочисленности населения центральное правительство в Китае не в состоянии было уделять достаточное внимание управлению на местах.

Интернет как глобальное средство общения, познания, развлечений, совершения покупок и т.д. - это не просто один из видов технических устройств. Свобода и сопутствующие ей разнообразие и плюрализм – это главная особенность киберпространства. Таким образом, Интернет преобразует мир в общеизвестную «глобальную деревню» и оказывает огромное всестороннее влияние на китайскую традицию коллективизма. Все чаще и чаще консервативно настроенные люди в Китае сетуют, что Интернет усложняет информационный контроль и делает его почти невозможным; для школьников Интернет все чаще становится способом «бегства» от скучной учебы; утрачивается значение в общественной жизни семейных отношений, потому что Интернет сделал сферы общения более широкими, коммуникация стала свободной, можно с легкостью выбрать, с кем и как общаться.

Вот почему в Китае Интернет-зависимость тесно связана с проблемами семейных отношений и учебы; вот почему заинтересованное в сохранении духа коллективизма государство обращает особенное внимание на проблему Интернет-зависимости; и вот почему специалисты (в частности, занятые в образовательных учреждениях), т.е. помощники государства, занимают обычно исключительно негативную позицию относительно Интернет-зависимости.

Эмпирическое исследование зависимости от онлайн-овых и компьютерных игр

Цель эмпирического исследования

В данном исследовании мы сосредоточиваем внимание на зависимости от онлайн-овых и компьютерных игр – это один из главных видов Интернет-зависимости. Игровая деятельность всегда занимала особое место в истории человечества и отдельного человека. Й. Хейзинга^[32] считает, что все историческое и культурное развитие человечества может быть описано в терминах игры. Э. Берн^[33] предполагает, что игрой можно назвать любые межличностные взаимоотношения. Для Л.С. Выготского^[34], Д.Б. Эльконина^[35] и других представителей культурно-исторической психологии игра - неотъемлемый этап в жизни каждого человека. Неудивительно, что игровая деятельность представляет собой традиционную область исследований в психологии и в смежных с ней науках.

Сопутствуя развитию человечества, исследования игровой деятельности становятся все более актуальными. В настоящее время, с одной стороны, люди обладают большим досугом для развлечения и игры, границы между игрой, работой и учебой стали нечеткими. С другой стороны, развитие информационных технологий повлияло на появление новых видов игр, предназначенных как для детей, так и для взрослых. За сравнительно короткое время эти игры приобрели огромную популярность. Например, в Китае для 62,8% пользователей компьютерные игры являются одной из главных целей использования Интернет^[31]. Поэтому психологи проявляют значительный интерес к новым разновидностям игр^[31-35, 36, 38, 11, 61, 67-78].

Интерес выражается, в частности, в том, что одной из проблем, связанных с развитием информационных технологий, признается зависимость от Интернета, или Интернет-аддикция, интенсивно обсуждаемая в медико-психологической и педагогической литературе^[8, 20, 38, 116]. Зависимость от компьютерных игр считается одним из главных видов Интернет-зависимости. Например, в Китае проблемы Интернет-зависимости в первую очередь связаны с онлайн-овой игровой деятельностью. В среде школьников данный вид зависимости стал одним из главных факторов, мешающим успешности традиционной системы образования.

Таким образом, несмотря на то, что игры, в том числе современные онлайн-овые и компьютерные игры, являются существенными средами для не только развлечения, но и для личного развития, в Китае большинство родителей и учителей придерживаются негативной позиции относительно онлайн-овых и компьютерных игр. Родители сетуют на негативное влияние неконтролируемого содержания Интернета на молодое поколение^[64]. В отсутствие статистических данных следует опереться на клинический опыт: он подсказывает, что почти все подростки, проходящие лечение от зависимости от компьютерных игр, обращаются за помощью исключительно по желанию и требованию своих родителей.

Поэтому вопрос о том, как понимать специфику развития онлайн-игр и их влияние на китайское общество, приобрел особую значимость, особенно в связи с разрывом между поколениями. Следует к тому же учитывать определенное недовольство тем обстоятельством, что большинство популярных онлайн-игр в Китае имеют западное (или восточное – южнокорейское) происхождение. На самом деле, онлайн игры играют важную роль в расширении западной культуры в Китае, в том числе в распространении сугубо западной тенденции к индивидуализму. Из-за этого считается, что популярность онлайн-игр в Китае представляет немалую угрозу для традиционной китайской культуры коллективизма.

Кроме этого, в ряде исследований показано, что Интернет-зависимость тесно связана с качеством онлайн-ового общения, и феномен POSI (preference for online social interaction), т.е. предпочтение общения в Интернете общению лицом к лицу, как уже отмечалось выше, нередко считают одним из существенных факторов развития Интернет-зависимости у пользователей Интернета. Поэтому в эмпирическом исследовании мы решили изучить, какую промежуточную роль играет онлайн-овое общение в связи с развитием Интернет-зависимости.

Гипотезы исследования

Имеются основания полагать, что широко распространенное расстройство интернет-зависимости в Китае, и особенно пристрастие к онлайн-играм – это своего рода воплощение внутреннего конфликта между возрастанием спроса на индивидуальный выбор, с одной стороны, а с другой стороны – китайскими традиционными социальными нормами, которые направлены на повышение коллективизма и подавление индивидуальности. Наряду с этим существенные различия между поколениями в отношении к Интернету и онлайн-играм тесно связаны с традиционным китайским коллективизмом, который сильнее влияет на представителей старшего поколения, в то время как западный индивидуализм влияет в первую очередь на молодых людей. В эмпирическом исследовании, в котором участвовали китайские игроки в онлайн-игры, проверены следующие гипотезы:

Гипотеза 1: В сложившейся в Китае культуре коллективизма игроки в компьютерные игры демонстрируют высокий уровень Интернет-зависимости. Это в значительной степени объясняется тем, что китайское общество занимает негативную позицию по отношению к субъективности и индивидуализму, а заодно к Интернету и компьютерным играм как проводнику культуры индивидуализма. Поэтому особенности культуры Китая, не способствующие развитию индивидуализма, затрудняют позитивные переживания у игроков и способствуют возникновению проблем в реальной жизни игроков, что может быть признано существенным фактором, ведущим к проявлениям Интернет-зависимости.

Гипотеза 2: С учетом гипотезы 1, проблема интернет-зависимости в Китае должна быть в первую очередь связана с социальными проблемами у пользователей Интернета

Гипотеза 3: Уровень Интернет-зависимости положительно связан с продолжительностью компьютерных и онлайн-игр

Гипотеза 4: В сравнении с подростками взрослые люди скорее склонны считать себя зависимыми от Интернета.

Гипотеза 5: Мужчины в Китае более открыты по отношению к Интернету и компьютерным играм, поэтому мужчины-игроки менее подвержены Интернет-зависимости по сравнению с женщинами-игроками

Гипотеза 6. Онлайн-общение во время игры положительно связано с уровнем Интернет-зависимости у игроков

Гипотеза 7. Игроки, отвечавшие на вопросы опросника онлайн-игровым способом, имеют больший опыт игры: играют в течение недели более длительное время, чем отвечавшие на опросник традиционным способом (а именно, в бланковом варианте), а также чаще являются Интернет-зависимыми.

Методы исследования

В данной работе для измерения уровня интернет-зависимости (ИЗ) была выбрана методика CIAS [китайская шкала зависимости от Интернета]. В опроснике CIAS содержатся 26 вопросов, они включают 3 оценочные шкалы. Первая шкала (И-1) называется психологической симптоматикой – это вопросы для измерения толерантности, компульсивности и синдрома отмены. Вторая шкала (И-2) – это проблемы контроля времени. Третья шкала (И-3) – это проблемы, связанные с реальной жизнью вне Интернета. Распределение пунктов ИЗ и надежности шкал И-1, И-2 и И-3 показано в Таблице 1 (формулировки вопросов представляют собой перевод с китайского языка).

Таблица 1. Шкала Интернет-зависимости и ее факторная структура

18. Фактически, каждый раз я планирую ненадолго зайти в Интернет, но впоследствии я не хочу выходить из Интернета, и часто долго работаю в нем.	Толерантность (а Кронбаха = 0.752)	Психологическая симптоматика
25. С прошлого семестра среднее время, еженедельно потраченное мной на Интернет, значительно увеличилось.		
27. Мне кажется, что я постепенно трачу больше и больше времени на Интернет.		
28. По сравнению с прошлым, мне нужно проводить больше времени в Интернете, чтобы получить удовлетворение.		
11. Я пытался сокращать время, затраченное мной на Интернет, но я не преуспел в этом.	Компульсивность (а Кронбаха = 0.752)	
26. Без Интернета в моей жизни не будет ничего интересного.		
34. Каждый раз после пользования Интернетом, я должен заняться чем-то другим, но я не могу контролировать себя и не входить в Интернет повторно.		
35. Я не могу контролировать свой импульс и поведение при пользовании Интернетом.		
36. Каждый день после того как я проснусь, первое, о чем я подумаю, – это Интернет.		
13. Несмотря на сильную усталость, я становлюсь воодушевленным при применении Интернета.	Синдром отмены (а Кронбаха = 0.797)	
17. Если какое-то время я не могу пользоваться Интернетом, мне кажется,		

что я что-то потерял.	
24. Я стал беспокоиться, когда Интернет не включается или я не могу им воспользоваться.	
30. Если какое-то количество времени я не могу пользоваться Интернетом, я буду удручен.	
33. Если какое-то количество времени я не могу пользоваться Интернетом, я буду чувствовать себя не очень хорошо.	
12. Не единожды мне говорили, что я трачу слишком много времени на Интернет.	Проблемы контроля времени (а Кронбаха=0.771)
16. Иногда я могу есть не во-время из-за пользования Интернетом.	
29. Не единожды я спал менее 4-х часов из-за пользования Интернетом.	
31. Я уже привык к сокращению времени для сна, чтобы иметь больше времени для Интернета.	
32. Иногда из-за того, что я пользовался Интернетом ночью, я стал засыпать днем.	
14. Хотя пользование Интернета негативно влияет на мои отношения с друзьями и родственниками, я не сокращаю время, проведенное в Интернете.	проблемы связаны с реальной жизнью вне Интернета (а Кронбаха=0.839)
15. Мне кажется, что из-за моего интереса к Интернету мое общение с друзьями сокращается.	
19. Интернет уже оказал некоторое негативное влияние на мою работу и учебу.	
22. Из-за Интернета мое обычное время для развлечений сокращается.	
23. Из-за Интернета мое общение с родственниками сокращается.	
20. Пользование Интернета оказало негативное влияние на мое здоровье.	
21. Иногда из-за пользования Интернетом у меня бывают боли в пояснице и спине, или другие недомогания.	

Опросник по измерению качества общения в ходе игры составлен на основе предшествующих работ^[12]. Исходно он был составлен на русском языке, впоследствии адаптирован для применения среди выборок респондентов-игроков, говорящих на французском, китайском и английском языках^[108, 59, 109]. Применению его всякий раз предшествовали процессы адаптации и модификации в ходе предварительного пилотажного исследования. Этот опросник включает в себе 8 вопросов, которые затрагивают проблемы лидерства, специфику личностного общения и чувства пребывания в группе, отношение к общению как к необходимой составляющей игры. Субблоки, посвященные особенностям общения, состоят из прямого и обратного вопросов.

Примененный в нашем исследовании опросник включает в себя дополнительно 10 вопросов для определения демографических данных, игрового опыта и продолжительности игры в Интернете.

Испытуемые

В исследовании опросник был распространен и онлайн-овым способом, и как традиционные бланковые опросники - в виде тестирования с помощью бумаги и карандаша. В целом было получено 1704 ответа от участников, после селективной фильтрации осталось 1574 ответа, среди которых 640 онлайн-овых и 934 традиционных (т.е. бланковых).

Общая характеристика респондентов в данном исследовании представлена в Таблице 2. Отметим, что 64.7% (1019) респондентов – мужчины, 35.3% (555) – женщины. Большинство респондентов – школьники или студенты, возраст большинства – между 17 и 25 годами. Около 60% респондентов играли более 3 лет, а 8.8% игроков играли более 10 лет. 74.8% игроков играют меньше 10 часов в неделю. Около 70% респондентов – из южного или восточного Китая (т.е. экономически процветающих областей).

Таблица 2. Характеристики выборки по социально-демографическим показателям и уровню игры

Способ ответа	Количество	Проценты
Онлайн-овый	640	40.7
Бланковый	934	59.3
Распределение по полу	Количество	Проценты
Муж.	1019	64.7
Жен.	555	35.3
Пол, выбираемый для персонажа	Количество	Проценты
Муж.	683	43.4
Жен.	353	22.4

Не важно	538	34.2
Распределение по возрасту	Количество	Проценты
Не старше 14	144	9.1
От 15 до 16	274	17.4
От 17 до 20	440	28.0
От 21 до 25	436	27.7
От 26 до 30	163	10.4
Старше 31	117	7.4
Регион	Количество	Процент
Север	174	11.1
Северо-восток	59	3.7
Восточный Китай	526	33.4
Средний Китай	97	6.2
Южный Китай	602	38.2
Юго-запад	68	4.3
Северо-запад	28	1.8
Сянган (Гонконг); Аомэнь (Макао); Тайвань	5	0.3
Другие азиатские страны	3	0.2
Северная Америка, Европа или Австралия	2	0.1
Россия	7	0.4
Иные	3	0.2
Распределение по стажу игры	Количество	Проценты
Менее года	347	22.0
1-3 года	324	20.6
3-5 года	376	23.9
5-10 года	389	24.7
>10	138	8.8
Распределение по времени, занятому игрой (количество часов в неделю)	Количество	Проценты
Менее 3 ч	624	39.6
3-5 ч	298	18.9
5-10 ч	256	16.3
10-15 ч	121	7.7
15-25 ч	103	6.5
25-35 ч	71	4.5
Более 35 ч	101	6.4
Место игры	Количество	Проценты
Дом	1037	65.9
Университет	206	13.1
Рабочее место	42	2.7
Дома у друзей	29	1.8
Интернет-класс	209	13.3
Интернет-клуб	5	0.3
Другое	46	3.0
Образовательный уровень	Количество	Проценты
Младшая школа (1-6 классов)	53	3.4
Средняя школа (7-12 классов)	553	35.1
Законченное среднее	73	4.6
Среднее техническое	155	9.8
Незаконченное высшее	446	28.3
Законченное высшее	188	11.9
Магистры, аспиранты	106	6.8

Результаты

Общий уровень Интернет-зависимости в Китае и сравнение уровней трех факторов интернет-зависимости. Средний балл всех респондентов по 26 пунктам CIAS составляет 55. В целом 321 респондента, т. е. 20,39%, могут быть отмечены как интернет-зависимые (общий балл выше 64), и 370 респондентов, т.е. 23,51%, являются потенциально Интернет-зависимыми (общий балл находится между 58 и 64). Учитывая, что в целом распространенность Интернет-зависимости во всем мире колеблется от 2% до 15% в различных этнических группах ^[120, 88], можно констатировать, что уровень Интернет-зависимости среди китайских онлайн-игроков очень высок. Этот результат представляется весьма значительным.

В Таблице 3 показано, что средний балл по субшкале И-3 (проблемы в реальной жизни) равен 2.137, он значимо выше, чем средний балл И-1 и И-2 ($p < 0,000$). Таким образом, можно констатировать, что изменение образа жизни, вызванное использованием Интернета, является наиболее важным фактором, связанным с Интернет-зависимостью в Китае. В итоге наши гипотезы 1 и 2 получили подтверждение.

Таблица 3. Сравнение уровней 3 факторов Интернет-зависимости

		Среднее	N	Станд. отклонение	Станд. ошибка среднего
Пара 1	И-3	2.1369	1574	0.53013	0.01336
	И-1	2.0987	1574	0.47821	0.01205
Пара 2	И-3	2.1369	1574	0.53013	0.01336
	И-2	2.0250	1574	0.57386	0.01446

Связь между интернет-зависимостью и продолжительностью игры

Около 60% респондентов сообщили, что играли в онлайн-овые и компьютерные игры более 3 лет; 25,2% респондентов сообщили, что играют более 10 часов в неделю. В Таблице 4 показано, что у игроков, которые играли менее 1 года, уровень зависимости значимо ниже, чем у других игроков (все значения $p < 0,000$).

После 1 года уровень Интернет-зависимости быстро растет, а после 3 лет стабилизируется. Не было обнаружено значимых различий по зависимости между игроками, которые играли более 1 года.

Таблица 4. Опыт игры и Интернет-зависимость

Опыт игры (лет)	1<	1-3	3-5	5-10	>10
Уровень Интернет-зависимости	1.8753	2.1218	2.1536	2.1793	2.1848

Анализ также показывает, что 76.7 % игроков (Рис. 1), чей стаж игры менее 1 года, играют менее трех часов в неделю. У игроков со стажем игры менее 1 года продолжительность игры в течение недели гораздо более низкая, чем у других игроков. Значимость различий (критерий хи-квадрат) достигает уровня 0.000.

Рис. 1. Сопряженности: стаж игры * длительность игры в течение недели

В результате оказалось, что уровень Интернет-зависимости игроков в ходе игры связан с тем, сколько часов в неделю они играют; различия в уровне зависимости между игроками, которые играют менее 3 часов, в пределах 3-10 часов и более 10 часов, значимы (значение p равно 0.000 и 0.002) (см.: Рис. 2).

В итоге показано, что продолжительность игры в течение недели является ключевым фактором, положительно связанным с уровнем зависимости от Интернета, поскольку внешний аспект Интернет-зависимости – это длительное пребывание в Интернете. Таким образом, гипотеза 3 нашла свое подтверждение.

Рис. 2. Длительность игры в течение недели и Интернет-зависимость

Связь между Интернет-зависимостью и возрастом игроков

Анализ показывает, что из числа игроков, чей возраст менее 20 лет, 42.0% - 45.5% респондентов играют менее 3 часов в неделю, 13.9% - 20.7% играют более 10 часов в неделю. Из числа игроков, чей возраст более 20 лет, 33.3% - 37.1% играют менее 3 часов в неделю, а 37.4% - 30.0% играют более 10 часов в неделю. Значимость различий в продолжительности времени, занятого игрой в течение недели, между разными возрастными группами (применен критерий хи-квадрат) достигает уровня 0.000.

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что возраст влияет на уровень Интернет-зависимости ($p < 0,000$). Уровень Интернет-зависимости у людей старше 20 лет существенно выше, чем у людей младше 20 лет (см.: Рис. 3).

Рис. 3. Связь между Интернет-зависимостью и возрастом

На Рис. 4 представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа влияния возраста на И-1, И-2 и И-3 по отдельности. Хотя в целом уровень Интернет-зависимости у игроков моложе 17 лет значительно ниже, чем у игроков старше 21 года, для И-1 такого различия нет. Кроме того, хотя в целом уровень Интернет-зависимости для игроков моложе 17 лет и игроками 17-20 лет одинаков, однако уровень И-1 у

игроков моложе 17 лет значимо выше, чем у игроков между 17 и 20 годами ($p=0.014$). Уровень И-3 у игроков моложе 17 лет значимо ниже, чем у игроков между 17 и 20 годами ($p=0.044$).

Рис. 4. Связи между И-1, И-2, И-3 и возрастом

Возраст игроков не всегда однозначно соответствует их опыту игровой активности. В силу этого сделана попытка учесть наряду с возрастом также игровой стаж, или опыт (соответствующий вопрос имеется в опроснике). Двухфакторный дисперсионный анализ влияния возраста и стажа игры на Интернет-зависимость показал наличие значимого ($p=0.007$) межфакторного взаимодействия. Для тех, кто играет менее 1 года, уровень зависимости очевидным образом возрастает с возрастом игроков, а вот для игроков со стажем влияние возраста практически отсутствует (см.: Рис. 5).

Рис. 5. Связь между Интернет-зависимостью, возрастом и стажем игровой активности

Имеются значимые (на уровне 0.01) p -значения межфакторного воздействия на уровень Интернет-зависимости возраста игроков и количества часов в неделю, в течение которого они заняты у них игрой. Для тех, кто играет менее 3 часов в неделю и кому при этом менее 20 лет, уровень зависимости значимо ниже, чем для игроков старше 20 лет (см.: рис. 6).

Рис. 6. Связь между Интернет-зависимостью, возрастом и продолжительностью времени в течение недели, занятого игрой

Анализ показывает, что возраст тесно связан с Интернет-зависимостью: более взрослые люди скорее, чем молодежь, склонны признавать себя зависимыми от Интернета, даже если они относительно мало им пользуются. Представляется, причина в том, что позиция взрослых людей по отношению к Интернету в большей мере совпадает с официальной позицией, а общепринятые социальные нормы влияют на них сильнее; подростки же чаще ведут себя соответственно своим интересам и внутренней мотивации. Таким образом, гипотеза 4 нашла свое подтверждение.

Связь Интернет-зависимости с полом игроков

В таблице 5 показано, что уровень Интернет-зависимости у мужчин несколько выше, чем у женщин, $p<0.027$.

Таблица 5. Сравнение уровней Интернет-зависимости между полами

Пол	N	Среднее	Станд. отклонение	Станд. ошибка среднего
ИЗ Муж.	1019	2.1140	0.44290	0.01387
	Жен.	555	2.0596	0.47644
				0.02022

При этом мужчины обычно играют гораздо больше и дольше, чем женщины. Значимость различий между ответами мужчин и женщин относительно длительности времени, занятого игрой в течение недели, достигает уровня 0.01. Значимость различия между их ответами о продолжительности игры в течение недели также равна 0.01. В группах игроков, которые играют менее 3 часов в неделю, между 3 и 10 часами, и более 10 часов, нет межполовых различий по уровню Интернет-зависимости (Рис. 7).

Рис. 7. Связь между Интернет-зависимостью, полом и длительностью игры в течение недели

Тем самым гипотеза о межполовых различиях уровня зависимости от Интернета не подтвердилась. Несмотря на то, что в Китае мужчины более зависимы от Интернета, они играют больше и дольше, чем женщины.

Кроме этого, двухфакторный дисперсионный анализ влияния пола и возраста на Интернет-зависимость показал, что в группах старше 17 лет уровни зависимости у мужчин и у женщин не различаются. Но в группе моложе 16 лет зависимость у мужчин гораздо выше, чем у женщин (значимость 0.000). P -значение межфакторного взаимодействия равно 0.004. (см.: Табл. 6, Рис. 8).

Таблица 6. Описательная статистика уровней Интернет-зависимости для разных возрастных групп и полов

Возраст	Пол	Средний балл ИЗ	N
<16	Муж.	2.0859	253
	Жен.	1.9035	165
17-20	Муж.	2.0174	292
	Жен.	1.979	148
21-25	Муж.	2.1761	296
	Жен.	2.2022	140
>26	Муж.	2.2089	178

Жен.	2.2334	102
------	--------	-----

Рис. 8. Связь между Интернет-зависимостью, полом и возрастом

Связь между Интернет-зависимостью и общением между игроками в ходе игры

Результаты показали, что корреляция между общением и Интернет-зависимостью равняется $r=0.227$ ($p<0.000$; см.: Табл. 7). Поэтому гипотеза 6 подтверждена.

Таблица 7. Корреляции между общением, опытом потока и Интернет-зависимостью

	ИЗ	И-1	И-2	И-3
Общение	Корреляция Пирсона	0.227	0.228	0.232
	p-значение	0.000	0.000	0.000

Поскольку известно, что не только Интернет-зависимость, но и общение тесно связаны со временем, проводимым в Интернете, то рассмотрим соотношения между общением и Интернет-зависимостью, исключив факторы, связанные со временем (см.: Табл. 8). Если взять И-2 (контроль времени) и конкретный вопрос (а именно, вопрос Q63, связанный с потерей чувства времени в общении в ходе игры) из опросника, связанный с общением в ходе игры, в качестве контрольных переменных, то в результате оказывается, что корреляция между общей оценкой Интернет-зависимости (ИЗ) и общением (ОБ) исчезает. Даже более того, существует негативная связь между И-3 и ОБ (-0.074), значимость достигает 0.003.

Таблица 8. Частные корреляции между общением (ОБ) и Интернет-зависимостью

Исключенные переменные			ИЗ	И-1	И-3
И-2 & общение (вопрос Q 63)	ОБ	Корреляция	-0.009	0.030	-0.074
		Значимость (2-сторон.)	0.735	0.242	0.003
		ст.св.	1570	1570	1570

Итак, хотя общение и Интернет-зависимость положительно связаны друг с другом, однако положительная корреляция между общением и Интернет-зависимостью основывается прежде всего на факторе, связанном с проблемами контроля времени. Если исключить факторы, связанные со временем, то И-3 даже негативно влияет на качество общения в ходе игры, т.е. если применение Интернета приносит пользователю много проблем в реальной жизни, он будет негативно относиться к онлайн-общению в ходе игры. Кроме этого, уровень общения в ходе игры у мужчин оказался выше, чем у женщин, $p<0.000$ (см.: Табл. 9). В группах игроков, которые играют менее 3 часов в неделю, между 3 и 10 часами, и более 10 часов, у мужчин более высокие показатели уровня общения в ходе игры, чем у женщин (соответственно $p=0.026$, 0.001 и 0.043) (см.: Рис. 9).

Таблица 9. Сравнение уровней общения (ОБ) между полами

пол	N	Среднее	Станд. отклонение	Станд. ошибка среднего
ОБ	Муж.	1019	3.0910	0.78917
	Жен.	555	2.8402	0.77613

Рис. 9. Связь между общением, полом и длительностью игры в течение недели

Интернет-зависимость, общение и их связь со способом (онлайновым или бланковым) участия респондентов в исследовании

Социально-демографические показатели для (соответственно) онлайн- и бланковых респондентов, таковы: среди онлайн-респондентов 63.0% - мужчины и 37.0% - женщины, а среди респондентов, отвечавших с помощью бланка, 66.0% - мужчины и 34.0% - женщины. Не обнаружена значимая разница между этими двумя выборками (см.: Табл. 10). В Таблице 11 показано, что онлайн-респонденты старше, чем респонденты, отвечавшие посредством бланка; кроме этого, они играют больше, чем респонденты, отвечавшие посредством бланка (см.: Табл. 12). Значимость (по критерию хи-квадрат) всех перечисленных различий достигает уровня 0.000.

Таблица 10. Сопряженность образ ответа * пол

			пол	
			Муж.	Жен.
образ ответа	Бланк	Количество	616	318
		%	66.0%	34.0%
	онлайн	Количество	403	237
		%	63.0%	37.0%
Итого		Количество	1019	555

%	64.7%	35.3%
---	-------	-------

Таблица 11. Сопряженность способ ответа * возраст

			возраст			
			<16	17-20	21-25	>26
способ ответа	бланк	Количество	351	373	190	20
		%	37.6%	39.9%	20.3%	2.1%
	онлайн	Количество	67	67	246	260
		%	10.5%	10.5%	38.4%	40.6%
Итого		Количество	418	440	436	280
		%	26.6%	28.0%	27.7%	17.8%

Таблица 12. Сопряженность способ ответа * продолжительность игры в течение недели

			Продолжительность игры в течение недели		
			3<	3-10	>10
способ ответа	бланк	Количество	424	348	162
		%	5.4%	7.3%	7.3%
	онлайн	Количество	200	206	234
		%	31.3%	32.2%	36.6%
Итого		Количество	624	554	396
		%	39.6%	35.2%	25.2%

В таблице 13 показано, что уровень Интернет-зависимости у онлайн-респондентов значимо выше, чем у респондентов, отвечавших посредством бланка ($p < 0.000$). Итак, гипотеза 7 нашла подтверждение.

Таблица 13. Сравнение уровней Интернет-зависимости (ИЗ) между двумя выборками респондентов

способ ответа		N	Среднее	Станд. отклонение	Станд. ошибка среднего
ИЗ	онлайн	640	2.2312	0.40793	0.01612
	бланк	934	2.0013	0.46310	0.01515

Притом проверка влияния способа ответа и пола на Интернет-зависимость осуществлялась посредством двухфакторного дисперсионного анализа. Среди респондентов, отвечавших посредством бланка, мужчин характеризует значимо более высокий уровень Интернет-зависимости, чем женщин. Но у онлайн-респондентов различия между полами не обнаружены. Значимость межфакторного взаимодействия $p = 0.033$ (см.: Рис. 10).

Рис. 10. Связь между способом ответа, полом и Интернет-зависимостью

Двухфакторный дисперсионный анализ влияния на Интернет-зависимость способа ответа и продолжительности времени, занятого игрой в течение недели, показал, что для респондентов, которые отвечали посредством бланка, различия в уровне зависимости между игроками, которые играют менее 3 часов, в пределах 3-10 часов, и более 10 часов, значимы ($p < 0.000$). Но для онлайн-респондентов различия в уровне зависимости между игроками, которые играют в пределах 3-10 часов и более 10 часов, не значимы. Значимость межфакторного взаимодействия $p = 0.005$ (см.: Рис. 11).

Рис. 11. Связь между способом ответа, длительностью игры в течение недели и Интернет-зависимостью

Двухфакторный дисперсионный анализ влияния способа ответа и пола на показатели общения показал, что межполовые различия в общении для респондентов, которые отвечали посредством бланка, значимо ниже, чем у онлайн-респондентов. Значимость межфакторного взаимодействия $p = 0.036$ (см.: Рис. 22).

Рис. 12. Связь между способом ответа, полом и общением (ОБ)

В итоге оказывается, что онлайн-респонденты больше и дольше играют в компьютерные игры, чем респонденты, отвечавшие посредством бланка. Большинство онлайн-респондентов старше 21 года, у них более высокий уровень зависимости по сравнению с бланковыми респондентами. Кроме того, показано, что мужчины, которые заполняли опросник онлайн, более открыты онлайн-общению в ходе игры, чем другие игроки.

Обсуждение

Главная цель данной работы заключалась в анализе специфики феномена Интернет-зависимости в связи с китайской культурой и социальной ситуацией. Как в теоретическом анализе, так и в эмпирическом

исследовании показано, что Интернет-зависимость тесно связана с продолжительностью времени, проводимого в Интернете и занятого игрой (исследование ограничено игровой деятельностью). Однако в разных социальных группах, разделенных на основании культурных особенностей, возраста и пола, люди по-разному относятся к применению Интернета и компьютерных игр. Разное отношение к Интернету часто зависит от того, как люди относятся к внутренней мотивации и личному выбору, поскольку Интернет – это не только технология, но еще и среда развития ^[22, 23]. В связи с этим при высоком значении индивидуальности наблюдаются позитивное отношение к применению Интернета и низкий уровень зависимости в деятельности в Интернете. А при высоком значении общественных ценностей и нежелании, чтобы личный выбор и проявление индивидуальности нарушали традиции, появляются проблемы с Интернет-зависимостью, связанные с популярностью Интернета. Теперь, опираясь на результаты эмпирического исследования в данной работе, рассмотрим эти социально-культурные факторы подробнее.

Образование и возраст

Выше отмечалось, что по сравнению с другими странами проблема Интернет-зависимости в китайском обществе особенно актуальна. В связи с этим ряд исследований посвящен изучению связанных с особенностями системы образования причин высокого уровня Интернет-зависимости в Китае. В результате нашего исследования показано, что взрослые переживают более высокий уровень Интернет-зависимости, чем подростки. Нам кажется, причина тесно связана с образованием. Фактически, в 18-19 лет китаец сталкивается с одним из самых важных событий в своей жизни – участием во вступительном экзамене в университет. Вследствие необходимости подготовки к экзаменам подростки едва ли могут уделять значительное время компьютерным играм, и уровень Интернет-зависимости в ходе игры у них значимо низкий. Кроме этого, исследования показывают, что соотношение между компьютерными играми и учебой – более сложное. Ведь как раз те подростки, которые не могут добиться хороших отметок и теряют надежду поступить в университет, увлекаются компьютерными играми и получают от этой деятельности то уважение, которое оказалось для них в реальной жизни недостижимым. Точно так же непосредственно после поступления в университет, когда отметки уже не столь критически важны, как перед экзаменами, студенты нередко теряют мотивацию к учебе, находя интерес и смысл жизни в компьютерных играх ^[4]. В проведенном исследовании также показано, что после окончания школы уровень Интернет-зависимости значимо растет. Данный результат совпадает с результатами в отчете CYIA (2010), согласно которому в Китае у пользователей Интернета в возрасте 18-29 лет значимо более высокий уровень Интернет-зависимости (14.6% – 15.6%), чем у пользователей в возрасте 13-17 лет (14.3%).

Несмотря на то, что уровень Интернет-зависимости у подростков – не самый высокий (согласно результатам нашего исследования, они играют в компьютерные игры даже меньше, чем молодые взрослые), не только в Китае, но и в других странах наибольшее внимание обращают на проблемы Интернет-зависимости именно у подростков. Считается, что подростки находятся в процессе созревания, стремятся к самостоятельности, развитию своей собственной системы смыслов и формированию межличностных отношений, поэтому у них возникают проблемы, связанные с идентичностью, социальными отношениями и др. В связи с этим у них высок риск развития Интернет-зависимости ^[76, 90, 112, 114]. Но для решения проблем, связанных с идентичностью у подростков, не следует подавлять развитие их индивидуальности, а нужно постепенно расширить сферу их деятельности и давать им больше возможностей самостоятельно принимать решения. Но в Китае из-за социокультурных факторов преувеличиваются проблемы, связанные с применением Интернета и компьютерными играми, и игнорируется позитивный аспект онлайн-активности. Подобная позиция во многом ущербна для развития подростков.

Информационный разрыв между поколениями

Следует еще раз подчеркнуть, что для юных игроков в Китае характерно позитивное отношение к компьютерным играм, а для их родителей – негативное. Родители сетуют на негативное влияние неконтролируемого содержимого Интернета на молодое поколение ^[64]. Как отмечалось выше, почти все подростки, проходящие лечение от зависимости от компьютерных игр, обращаются за помощью исключительно по желанию и требованию родителей. На наш взгляд, главная причина в том, что в Китае родители крайне серьезно относятся к школьным отметкам: от этого напрямую зависит продолжение образования и дальнейшая судьба ребенка. Любой фактор, мешающий учебе, воспринимается негативно. В интересующем нас аспекте – отношении к компьютерам, Интернету и компьютерным играм – в китайской культуре происходят в настоящее время значительные изменения. При разговоре о Китае у социологов принято выделять два поколения: родившихся до и после 1980 г. Между этими поколениями отмечается большая разница в моральных ценностях, образе поведения и т.д. Именно в 1980 году в Китае начался процесс экономических и политических реформ. Так что родившиеся после 1980 г. растут в окружении, заметно отличающемся от той среды, в которой воспитывались предшествующие поколения. Подобное разделение поколений – не новость в общественных науках, и оно применимо далеко не только к Китаю. К примеру, в США принято более дробное разделение поколений: вслед за поколением 'Baby Boom generation' (родившиеся в 1946-1964) идет промежуточное 'generation X' (1965-1976), далее 'Net generation'

(1977-1997), которому наступает на пятки, если можно так выразиться, 'generation Next' (1998 – по настоящее время)^[192]. Действительно, в странах, вступивших в информационную эпоху раньше Китая, новые технологии оказали влияние на большее число поколений. Для Китая же вышеуказанный разрыв между поколениями представляется весьма существенным. Так, родившиеся после 1980 г. относятся к компьютерным играм более позитивно, чем родившиеся ранее^[5], т.е. чем их родители.

Учитывая особенности внутрисемейных отношений и относительно негативную позицию старшего поколения к Интернету и компьютерным играм, не выглядит случайным, что в результате нашего исследования в Китае Интернет-зависимость в значительной степени связана с проблемами в реальной жизни, проявляющимися из-за применения Интернета.

Пол

В большинстве исследований однозначно доказывается, что мужчины подвергаются более высокому риску Интернет-зависимости, чем женщины^[89, 104, 55]. Как считается, возможной причиной является то, что мужчины больше используют Интернет, чем женщины. Притом мужчины чаще женщин прибегают к онлайн-общению^[89, 111]. Однако убедительное и всеми признанное объяснение причин т.н. «гендерного разрыва» до сих пор не выработано^[56].

В данном исследовании также выявились определенные половые различия в Интернет-зависимости. Во-первых, для мужчин характерен более высокий уровень Интернет-зависимости. Дальнейший анализ показал, правда, что если исключить фактор продолжительности времени, занятого игрой в течение недели, то половые различия в показателях Интернет-зависимости элиминируются. Это означает, что главной причиной половых различий в Интернет-зависимости среди китайских игроков следует считать тот факт, что мужчины обычно играют больше, чем женщины.

Во-вторых, в проведенном исследовании показано, что китайские игроки мужского пола значительно больше общаются в ходе игры, чем игроки женского пола, даже вне зависимости от фактора времени.

Применительно к онлайн-выборке данное различие становится еще заметнее. Кроме того, хотя интернет-зависимость и общение в игре положительно связаны друг с другом, стоит исключить фактор продолжительности времени, проводимого в игре в течение недели, и исчезают положительные связи между общением и Интернет-зависимостью. Поэтому уместно считать, что общение в ходе игры не так сильно влияет на Интернет-зависимость. Хотя мужчины в ходе игры общаются больше, чем женщины, но по сравнению с женщинами мужчины не чаще переживают Интернет-зависимость.

Индивидуализация в китайском обществе

Соотнесем результаты, полученные в проведенном исследовании, с более широким контекстом, а именно с продолжающимся процессом модернизации в Китае. Такой процесс характеризуется быстрыми изменениями поведения индивидов, которые все чаще требуют права на личный выбор, на развитие собственной индивидуальности и на стремление к счастью; с требованиями такого рода они противостоят вековым моральным учениям коллективного благосостояния^[113, p. 17-18].

В связи с традицией коллективизма в Китае невысоко ценится значение субъективности и завышено значение общественных ценностей. Около 200 лет назад Гегель указывал на такую особенность традиционной китайской культуры: «Здесь еще нет момента субъективности, т.е. отражения единичной воли в себе от субстанции, как от поглощающей ее силы, или полагания этой силы как сущности самой единичной воли, в которой она сознает себя свободной»^[15, s. 162]. Даже для современного Китая слова Гегеля по-прежнему справедливы^[80]. В Китае обычно подчеркивается значимость взаимозависимого Я (interdependent self), а не независимого самостоятельного Я (independent self)^[72, 83]. В новейших межкультурных исследованиях утверждается, что определенные культурные особенности способны влиять на нейронную активность^[71, 99, 91], которая лежит в конечном счете в основе как высших, так и низших психических функций в понимании Л.С. Выготского^[113].

Концепция «TiYong» и ее современная версия служат буфером, защищающим китайский коллективизм в процессе модернизации. Но оберегать китайскую культуру таким способом – все равно что пытаться отсечь западную технологию от ее западного теоретического корня или культурного происхождения и просто перенести ее на китайскую землю. В результате в Китае индивидуализм, который важен для западного научно-технического прогресса, «всегда рассматривался, как представителями элиты, так и населением, как один из видов эгоизма наряду с анти-общественными и утилитарными интересами, мало учитывающими права и интересы других. В то же время были в значительной степени запущены остальные элементы западного индивидуализма, такие как общественная и личная свобода, равенство или уверенность в своих силах»^[113, p. 33]. Следовательно, в Китае представляется затруднительным получать позитивный опыт в процессе применения Интернета и других современных технологий.

Если в западных культурах компьютерные игры приносят человеку удовольствие и радость, то в Китае компьютерные игры подобны скорее электронному опиуму, способному уничтожить будущее игроков. В этом плане результаты проведенного исследования подкрепляются другими данными. Например, Szablewicz^[100] считает, что феномен зависимости от Интернета в Китае может рассматриваться как

моральная паника, связанная с уникальным китайским требованием, в соответствии с которым в процессе созидания «цивилизованного» Китая необходимо сохранить традиционно китайское свойство социальной нравственной культуры. А опираясь на работы, посвященные связи между Интернет-зависимостью и самоубийством, A.Golub и K.Lingley^[64] пришли к выводу, что проблема зависимости от Интернета в Китае – это результат общего морального кризиса, с которым столкнулся Китай, вызванного значительными изменениями в общественной и культурной жизни.

Заключение

После 2005 г., когда в Китае начали обращать внимание на проблему Интернет-зависимости, исследования по этой теме бурно развиваются. Согласно результатам поиска в CAJD (China Academic Journal Network Publishing Database), до 2005 г. в основных научных журналах в Китае имелось лишь 53 статьи, а в период между 2005 г. и концом 2011 г. оказалось 546 публикаций по теме Интернет-зависимости. Наряду с этим специалисты, считающие Интернет-зависимость клиническим заболеванием, все чаще опираются на результаты проведенных в Китае исследований для обоснования своей позиции. Разработанная в Китае методика измерения Интернет-зависимости, а именно CIAS, стала общепринятой (в том числе в России). Государственная политика Китая в отношении проблемы Интернет-зависимости также все в большей мере привлекает внимание представителей других стран. Именно на основании сравнения политики российского правительства с китайской политикой Н.А. Цой делает вывод, что России нужна государственная политика по борьбе с начинающими распространяться различными формами Интернет-зависимости в России^[33, 34]. На самом деле применение китайского опыта в данном вопросе едва ли возможно – как раз из-за внутренней конфликтности данной проблематики в Китае. Как было показано, это на самом деле – конфликт между китайской традицией коллективизма и западным индивидуализмом, причем Интернет служит проводником последнего. Конфликт должен рассматриваться в более широком контексте продолжающегося процесса модернизации в Китае; он характеризуется быстрыми изменениями в поведении китайцев, все чаще требующих права на личный выбор и индивидуальность, что противоречит вековым морально-этическим учениям коллективного благосостояния^[113].

Во многом близкие социокультурные факторы воздействуют на становление Интернет-зависимости в Южной Корее и Тайване, и это говорит, что возникающие с развитием Интернета проблемы являются во многом общими в целом ряде восточноазиатских стран.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00647

Библиография

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: пер. с англ.-М.: Лист-Нью; Центр общечеловеческих ценностей. 1997.
2. Ван Ш.Л. Подход к анализу интернет-зависимости в контексте позитивной психологии // Человек в информационном обществе: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.Е. Войскунского, Л.М. Дубового. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012а. – С. 165-168.
3. Ван Ш.Л. Проблема Интернет-зависимости в Китае: политика, культура, психология // Психология и психотехника, 2012b. №12. С.53-63.
4. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е., Карпухина А.И. Развитие и актуальное состояние опосредствованного Интернетом общения в Китае // Психология общения XXI век: 10 лет развития: материалы Междунар. Конф. / отв. ред. А.А. Бодалев.-М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009а. Том 2. С. 163-167.
5. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е., Карпухина А.И. Развитие компьютерных игр в Китае / Ш.Л. Ван, А.Е. Войскунский, А.И. Карпухина // Интернет и современное общество: Труды XII Всероссийской объединенной конференции / ред. В.Ш. Рубашкин, Л.В. Сморгун, А.В. Чугунов.-СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009b. С. 19-24.
6. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е., Карпухина А.И. Психолого-медицинские аспекты применения Интернета в Юго-Восточной Азии // Интернет и современное общество: Труды XIV Всероссийской объединенной конференции / под ред. А.В. Чугунов. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2011а. С. 117-120.
7. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е., Митина О.В., Карпухина А.И. Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011b. – Том 8. – № 4. – С. 73-101.
8. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете/ под ред. А.Е.Войскунского. М.: Терра-Можайск, 2000. С. 100-131.
9. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал, 2004. Т. 25. № 1. С. 90-100.
10. Войскунский А.Е. Вместо предисловия: «За» и «Против» Интернет-зависимости // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А.Е. Войскунского. М.:

Акрополь, 2009. С. 5–22.

11. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010.
12. Войскунский А.Е., Смылова О.В. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 35–43.
13. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций.-М.: АПН РСФСР, 1960.
14. Выготский Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребенка// Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–76.
15. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель.-СПб.: Наука, 1993.
16. Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайн-овое аддиктивное поведение // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Акрополь, 2009. С. 253–256.
17. Грохол Дж. Зависимость от Интернета – новое заболевание? // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского.-М.: Акрополь, 2009. С. 264–266.
18. Егоров А.Ю. Интернет-зависимости // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского.-М.: Акрополь, 2009. С. 29–55.
19. Интернет-зависимое поведение у подростков: Клиника, диагностика, профилактика / Под ред. В.Л. Малыгина. М.: Арсенал образования, 2010.
20. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009.
21. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия.-М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
22. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета.-М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
23. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Что мы знаем об Интернет-аддикции? (К постановке проблемы существования сетевой зависимости) // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского.-М.: Акрополь, 2009. С. 70–90.
24. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского.-М.: Акрополь, 2009. С. 152–164.
25. Мюррей К. Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского.-М.: Можайск-Терра, 2000. С.132–140.
26. Северин А.В., Ермоленко И.А. Компьютерная зависимость: теоретические и прикладные аспекты. Брест: Альтернатива, 2011.
27. Селигман М.Е.П. Новая позитивная психология: пер. с англ. М.: София, 2006.
28. Собкин В.С., Евстигнеева Ю.М. Подросток: виртуальность и социальная реальность. – М.: Центр социологии образования РАО, 2001.
29. Сулер Д. Зависимость от Интернета и беглый взгляд на человеческую природу // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития. Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Акрополь, 2009. С. 257–259.
30. Теперик Р.Ф., Жукова М.А. Особенности сферы общения Интернет-зависимых пользователей // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития. Под ред. А. Е. Войскунского.- М.: Акрополь, 2009. С.165–188.
31. Тихомиров О.К., Лысенко Е.Е. Психология компьютерной игры // Новые методы и средства обучения, 1988. №1. С. 30–66.
32. Хёйзинга Й. Homo ludens.-М.: Прогресс – Академия, 1992.
33. Цой Н.А. Информационная политика государства и феномен Интернет-зависимости в России и Китае // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2010. № 4. С. 5–16.
34. Цой Н.А. Феномен Интернет-зависимости и одиночество // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 98–107.
35. Шапкин С.А. Компьютерная игра: Новая область психологических исследований // Психологический журнал. №1. 1999. С. 86–102.
36. Шмелев А.Г. Мир поправимых ошибок // Компьютерные игры. Обучение и психологическая разгрузка. 1988. №3. С. 27–39.
37. Эльконин Д.Б. Психология игры.-М.: Гуманитарный издательский центр “Владос”, 1999.

38. Юрѣва Л.Н., Болѣбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование и диагностика, коррекция и профилактика. Днепрпетровск: Пороги, 2006.
39. Янг К. Интернет-зависимость вчера и сегодня // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А. Е. Войскунского.-М.: Акрополь, 2009. С. 251–252.
40. Armstrong A., Casement C. The Child and the Machine: How Computers Put Our Children's Education at Risk. Beltsville: Robins Lane Press, 2000.
41. Bai Y., Fan F.M. A Study on the Internet Dependence of College Students: the Revising and Applying of a Measurement // Psychological development and education, 2005. V. 21(4). P. 99-104.
42. Beard K.W., Wolf E.M. Modification in the Proposed Diagnostic Criteria for Internet Addiction // CyberPsychology & Behavior. 2001. Vol. 4(3). P. 377-383.
43. Boies, A., Cooper, A., Osborne, C.S. Variations in Internet-related problems and psychosocial functioning in online sexual activities: Implications for social and sexual development of young adults // CyberPsychology&Behavior. 2004. 7(2). P. 207–230.
44. Byun S., Ruffini C., Mills J.E., Douglas A.C., Niang M., Stepchenkova S., Lee S.K., Loutfi J., Lee J.K., Atallah M., Blanton M. Internet Addiction: Metasynthesis of 1996–2006 Quantitative Research // CyberPsychology & Behavior. 2009. V. 12(2). P. 203-207.
45. Caplan S.E. Problematic Internet use and psychosocial well-being: Development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument // Computers in Human Behavior. 2002. 18(5). P. 553–575.
46. Caplan S.E. Preference of online social interaction: A theory of problematic Internet use and psychosocial well-being // Communication Research. 2003. 30(6). P. 625–648.
47. Caplan, S.E., High, A.C. Online Social Interaction, Psychosocial Well-Being, and Problematic Internet Use // Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment / Eds. K.S. Young, C.N. Abreu.-Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2011. P. 35-55
48. Chang M.K., Law S.P.M. Factor structure for Young's Internet Addiction Test: a confirmatory study // Computers in Human Behavior. 2008. 24(6). P. 2597–2619.
49. Chen S.H., Weng L.J., Su Y.J., Wu H.M., Yang P. F. Development of Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. 2003. V. 45(3). P. 279-294.
50. Choi Y.S., Ross L. Policy and power: The impact of the Internet on the younger generation in South Korea // Social Policy and Society. 2006. V. 5(3). P. 421–429.
51. CNNIC (China Internet Network information center). 23rd Statistics Report of Chinese Internet Development / CNNIC, 2009.
52. CNNIC (China Internet Network information center). 27rd Statistics Report of Chinese Internet Development / CNNIC, 2011
53. Cui L.J., Hu H.L., Wu M.Z., Xie C.L. A study on the implicit aggressiveness of gaming addicts // Psychological Science, 2006. V. 29(3). P. 570-573
54. Cui L.J., Zhao X. The standard Setting of Internet Addiction with the Angoff Method // Psychological Science. 2004. V. 27(3). P. 721-723.
55. CYIA (China Youth Internet Association). A survey of internet-addiction in Chinese adolescents in 2009. [Электронный ресурс] / CYIA, 2010. URL: <http://mat1.gting.com/edu/pdf/wangyinbaogao.pdf>. (дата обращения 06.04.2012).
56. Czincz J., Hechanova R. Internet Addiction: Debating the Diagnosis // Journal of Technology in Human Services. 2009. V. 27(4). P. 257–272.
57. Davis, R.A. A cognitive behavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. 2001. 17(2). P. 187–195.
58. Davis R.A., Flett G.L., Besser A. Validation of a new measure of problematic Internet use: Implications for pre-employment screening // CyberPsychology & Behavior. 2002. 5(4). P. 331–346.
59. Faiola A., Voiskounsky A.E. Flow experience of mud players: investigating multi-user dimension gamers from the USA // Proceedings of the 2nd international conference on Online communities and social computing (OCSC).-Berlin, Heidelberg: Springer. 2007. P. 324-333.
60. Fairbank J.K. The reunification of China // Cambridge history of China. Vol. 14: The People's Republic. Part 1: The emergence of revolutionary China 1949-1965 / Eds. R. MacFarquhar, J.K Fairbank. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 1-51.
61. Feng J., Spence I., Pratt J. Playing an action video game reduces gender difference in spatial cognition // Psychological science. 2007.18(10). P. 850-855.

62. Gao, W.B. Chen Zh.Y. A Study on Psychopathology and Psychotherapy of Internet Addiction // *Advances in Psychological Science*. 2006. V. 14(4). P. 596-603.
63. Goldberg, I. Internet addiction disorder // *The Psychology of Cyberspace*, 1996, Retrieved November 11, 2009. Web site: <http://www.rider.edu/users/suler/psycyber/supportgp.html>
64. Golub A., Lingley K. Just Like the Qing Empire: Internet Addiction, MMOGs, and Moral Crisis in Contemporary China // *Games and Culture*, 2008. 3(1). P. 59-75.
65. Gray J.B., Gray N.D. The Web of Internet Dependency: Search Results for the Mental Health Professional // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2006. V. 4(4). P. 307-318.
66. Greenfield D. Virtual addiction: Help for Netheads, cyberfreaks, and those who love them . Oakland, CA.: New Harbinger Publication, 1999.
67. Greenfield P.M. Technology and informal education: what is taught, what is learned // *Science*. 2009. 323 (5910). P. 69-71.
68. Griffiths M.D. Internet addiction: Does it really exist? // *Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal and Transpersonal Applications* / Ed. J. Gackenbach-New York: Academic Press, 1998. P. 61-75.
69. Griffiths, M.D. Excessive internet use: Implications for sexual behavior // *CyberPsychology and Behavior*. 2000. 3(4). P. 537-552.
70. Griffiths, M.D. Sex on the Internet: Observations and implications for sex addiction // *Journal of Sex Research*. 2001. 38(4). P. 333-342.
71. Han S.H., Northoff G. Understanding the self: a cultural neuroscience approach // Ed. J.Y. Chiao.-*Progress in Brain Research*. 2009 Vol. 178. P. 203-212.
72. Hwang K.K. Face and Favor: The Chinese Power Game // *American Journal of Sociology*, 1987. 92(4). P. 944-974.
73. Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment / Eds. K.S. Young, C.N. Abreu.- Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2011.
74. Jiang N.N., Gu H.G. A Study on College Students' Internet Usage Behavior, Attitude and Personality Traits // *Psychological Science*. 2005. V. 28(1). P. 49-51.
75. Joinson A. Understanding the psychology of Internet behavior: Virtual worlds, real lives. – Houndmills, UK & NY: Palgrave Macmillan, 2003.
76. Kaltiala-Heino R., Lintonen T., Rimpela A. Internet addiction? Potentially problematic use of the Internet in a population of 12-18 year-old adolescents // *Addiction Research and Theory*. 2004. 12(1). P. 89-96.
77. Ko C.H., Yen J.Y., Yen C.F., Chen C.C., Yen C.N., Chen S.H. Screening for internet addiction: An empirical study on cut-off points for the Chen Internet Addiction Scale // *The Kaohsiung Journal of Medical Sciences*. 2005. V. 21(12). P. 545-551.
78. Lee K.M., Peng W. What do we know about social and psychological effects of computer games? A comprehensive review of current literature // *Playing video games. Motives, responses and consequences* / Eds. J. Bryant, P. Vorderer.-Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006. P. 325-346.
79. Leung L. Net-generation attributes and seductive properties of the Internet as predictors of online activities and Internet addiction // *CyberPsychology & Behavior*. 2004. 7(3). P. 333-348.
80. Li Z.H. The thought history of modern Chinese. Beijing: Dongfang publishing house, 1987.
81. Lin F.H., Zhou Y., Du Y.S., Qin L.D., Zhao Z.M., Xu J.R., Lei H. Abnormal White Matter Integrity in Adolescents with Internet Addiction Disorder: A Tract-Based Spatial Statistics Study // *PLoS ONE*. 2012. V. 7(1). [Электронный ресурс] doi:10.1371/journal.pone.0030253
82. Liu X.J., Su L.Y., He B.L. Intelligence, Personality and Behavior Problems of Children with Video Games Dependence // *Chinese journal of clinical psychology*. 2001. V. 9(4). P. 268-270.
83. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // *Psychological Review*. 1991. 98(2). P. 224-153.
84. Mathy R., Cooper A. The duration and frequency of Internet use in a nonclinical sample: Suicidality, behavioral problems, and treatment histories // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 2003. 40(1-2). P. 125-135.
85. Meerkerk G., Van Den Eijnden R., Vermulst A., Garretsen H. The Compulsive Internet Use Scale (CIUS): some psychometric properties // *CyberPsychology & Behavior*. 2009. 12(1). P. 1-6.
86. Menninger k. Theory of Psychoanalytic Technique.-New York: Basic Books, 1958.
87. Mitchell K.J., Becker-Blease K.A., Finkelhor D. Inventory of problematic Internet experiences encountered in

- clinical practice // *Professional Psychology*. 2005. 36(5). P. 498–509.
88. Morahan-Martin J. Internet Abuse: Emerging Trends and Lingering Questions // *Psychological aspects of cyberspace: theory, research, applications* / Ed. A. Barak. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 32–69.
89. Morahan-Martin J., Schumacher P. Incidence and correlates of pathological Internet use among college students // *Computers in Human Behavior*. 2000. 16(1). P. 13–29.
90. Nalwa K., Anand A.P. Internet addiction in students: A cause of concern // *Cyberpsychology and Behavior*. 2003. 6(6). P. 653–656.
91. Ng S.H., Han S.H., Mao L.H., Lai J. Dynamic bicultural brains: fMRI study of their flexible neural representation of self and significant others in response to culture primes // *Asian Journal of Social Psychology*. 2010. 13(2). P. 83–91.
92. Nichols L.A., Nicki R. Development of a psychometrically sound Internet addiction scale: A preliminary step // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2004. 18(4). P. 381–384.
93. Orzack M.H. Computer addiction: Is it real or is it virtual? // *Harvard Mental Health Letter*. 1999. 15(7). P. 8.
94. Pratarelli M.E., Browne B.L., Johnson K. The bits and bytes of computer/Internet addiction: A factor analytic approach // *Behavior Research Methods, Instruments and Computers*. 1999. 31(2). P. 305–314.
95. Scherer K. College life online: Healthy and unhealthy Internet use // *Journal of College Student Development*. 1997. 38(6). P. 655–665.
96. Shapira N., Lessig M., Goldsmith T., Szabo S., Lazoritz M., Gold, M., Stein D. Problematic Internet use: Proposed classification and diagnostic criteria // *Depression and Anxiety*. 2003. 17(4). P. 207–216.
97. Shapira N.A., Goldsmith T.D., Keck P., Khosla U., McElroy S. Psychiatric features of individuals with problematic Internet use // *Journal of Affective Disorders*. 2000. 57(1–3). P. 267–272.
98. Shaw M., Black D.W. Internet Addiction: Definition, epidemiology and clinical management // *CNS Drug*. 2008. 22(5). P. 353–365.
99. Sui J., Liu C.H., Han S.H. Cultural difference in neural mechanisms of self-recognition // *Social Neuroscience*. 2009. 4(5). P. 402–411.
100. Szablewicz M. The ill effects of “opium for the spirit”: a critical cultural analysis of China's Internet addiction moral panic // *Chinese Journal of Communication*. 2010. 3(4). P. 453 – 470.
101. Tao R., Li B.H. An overview of internet addiction treatment unit // *Chinese journal of epidemiology*, 2005, V. 26(8). P. 558.
102. Tapscott, D. *Grown Up Digital: How the Net Generation Is Changing the World*.-New York: McGraw Hill, 2009.
103. Thatcher A., Goolam S. Defining the South African Internet addict: Prevalence and biographical profiling of problematic Internet users in South Africa // *South African Journal of Psychology*. 2005. 35(4). P. 766–792.
104. Treuer T., Fabian Z., Furedi, J. Internet addiction associated with features of impulse control disorder: Is it a real psychiatric disorder? // *Journal of Affective Disorders*. 2001. 66(2–3). P. 283.
105. Turkle S. *Life on the screen: Identity in the age of the Internet*.-New York: Simon and Schuster, 1995.
106. Voiskounsky A.E. Flow Experience in Cyberspace: Current Studies and Perspectives // *Psychological aspects of cyberspace: theory, research, applications* / Ed. A. Barak.-Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 70–101.
107. Voiskounsky A.E. Flow Experience in Internet mediated environments // *Motivation, consciousness and self-regulation* / Ed. D.A. Leontiev. – NY.: Nova Science, 2012. P. 243–271.
108. Voiskounsky A.E., Mitina O.V., Avetisova A.A. Cross-Cultural Investigation of Online Gaming: Models of Flow Experience and Interaction in Samples of Russian and French Gamers // *Reality and Game & Game and Reality: Abstracts and Papers of the 37th Annual Conference of the International Simulation and Gaming Association*.-St.Petersburg: ENGECON, 2006. P. 64–86
109. Voiskounsky A.E., Mitina O.V., Avetisova A.A. Flow Experience and Interaction in Online Gaming // *Proceedings Cultural Attitudes towards Communication and Technology 2008* / Eds. F. Sudweeks, H. Hrachovec, C. Ess.-Australia: Murdoch University, 2008. P. 410–421.
110. Wang F.X., Ni M.Y., Li H., Wo J.Z. The Diagnosis and Treatment of Internet Addiction // *Psychological Science*. 2008. V. 31(3). P. 714–716.
111. Wasserman L., Richmond-Abbott M. Gender and the Internet: Causes of variation in access, level, and scope of use // *Social Science Quarterly*, 2005. 86. 1. 252–269.

112. Widyanto L., Griffiths M. Internet Addiction: Does It Really Exist? // Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications (2nd ed.) / Ed. J. Gackenbach.-San Diego, CA: Academic Press, 2007. P. 141-166.
113. Yan Y.X. The Individualization of Chinese Society.-Oxford: Berg, 2009.
114. Yang S., Tung C. Comparison of Internet addicts and non-addicts in Taiwanese high school // Computers in Human Behavior. 2007. 23(1). P. 79-96.
115. Yellowlees P., Marks S. Problematic Internet use or Internet addiction? // Computers in Human Behavior. 2007. 23(3). P. 1447-1453.
116. Young K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // Cyberpsychology & Behavior. 1998a. 1(3). P. 237-244.
117. Young K.S. Caught in the Net: How to recognize the signs of Internet addiction and a winning strategy for recovery.-New York: John Wiley & Sons, 1998b.
118. Young K.S. Clinical Assessment of Internet-Addicted Clients // Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment / Eds. K.S. Young, C.N. Abreu.-Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2011. P. 19-35.
119. Young K.S., Pistner M., O'Mara J., Buchanan J. Cyber disorders: The mental health concern for the new millennium // Cyberpsychology & Behavior. 1999. 2(5). P. 475-479.
120. Young K.S., Xiao D.Y., Li Y. Prevalence Estimates and Etiologic Models of Internet Addiction // Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment / Eds. K.S. Young, C.N. Abreu.-Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2011. P. 3-19.
121. Zhou T. Students, Social anxiety and its relation to Internet Addiction // Education and Science, Hunan Normal University. 2003. V. 2(3). P. 85-87.